

A man with a beard and glasses, wearing a dark turtleneck and a brown jacket, is smiling and looking at a tablet. A woman with dark hair and red-rimmed glasses, wearing a yellow jacket, is also smiling and looking at the tablet. The background is bright and out of focus.

Елена
Дженкинз

Москва - Лондон,
кот и букет невесты

Цикл "Любовь вопреки себе"

16+

Елена Дженкинз
Москва-Лондон,
КОТ И БУКЕТ НЕВЕСТЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44873909

SelfPub; 2019

Аннотация

Приехав на свадьбу друга, Эмили и не подозревала, в какой водоворот событий ее толкнет... рыжий кот. Но ведь когда от жизни уже не ждешь ничего удивительного, тогда и происходят чудеса. Короткий любовный роман, заключительный в цикле "Любовь вопреки себе". Самостоятельный сюжет. Для обложки использованы снимки с Pexels и Pixabay.

Содержание

Глава 1. Удачное падение	4
Глава 2. Кот	12
Глава 3. Букет невесты	20
Глава 4. Танец огня	32
Глава 5. Москва-Лондон	45
Глава 6. Рождество	54
Глава 7. Ужасы отпуска	64
Глава 8. Лестница в облака	71
Глава 9. Свадебный переполох	81

Глава 1. Удачное падение

– О, о, посмотри на эту сытую морду... Тише, спугнешь!

Настя толкнула его в плечо, а сама рот ладонью зажала, чтобы не засмеяться.

– Я-то молчу, а ты все шепчешь и шепчешь.

– Да тише, пап, прошу же!

Он не выдержал и уткнулся лицом в синий клетчатый плед, который держал в руках; плечи затряслись от глухого смеха, а Настена взвыла:

– Труба! Удрал, Рыжий. И где мне его теперь ловить?!

Николай Терехов, которого и враги, и друзья называли «скромно» Большим Боссом, помогал дочке поймать кота. Рыжий был единственным чадом в доме Насти, которая три года назад вышла замуж, но скоро она собиралась стать мамой своего, человеческого, детёныша.

Во дворе суетились люди: свадьба как-никак, счастливый день, дел по горло. А Терехов выслеживал кота.

– Да ладно тебе, Настасья. Пускай гуляет, вечером поймем, когда гости разъедутся.

– Он лапы отморозит, – расстроилась она.

День и правда холодный выдался: минус два градуса. Тридцатое октября, а уже первый снег утром выпал. Вроде бы радоваться надо, это же благословение небес, а дочка, ко-

торая привезла на свадьбу лучшей подруги несчастного Рыжего, испугалась, что тот простудится. Она раздобыла для него кошачий комбинезон и теперь терроризировала окружающих.

– Эх ты, а еще Большой Босс. Как вкладами жонглировать, так ты мастер, а животину спасти от вымерзания – так пускай гуляет, – укорила она и направилась в дом, вздернув нос и уперев ладони в поясницу, хотя и живота-то еще толком не видно было: три с половиной месяца беременности. Николай догнал ее и набросил плед на плечи.

– Чую, устроит нам еще Рыжий сегодня, – покачала она головой. – Хоть бы Саньке на платье не прыгнул в разгар церемонии.

Санька – это невеста, Александра, которую Большой Босс очень уважал. Она к тому же была падчерицей его лучшего друга Валика Прохорова, на даче которого, собственно, и собрался честной народ.

– А Рыжему делать больше нечего, по-твоему, как на чужих женщин прыгать?

– Он хоть и старый, но шустрый.

– Да, мы, старики, такие, – подколол дочку Николай, и та фыркнула, сдув светлую прядь волос со щеки.

– Папа, тебе всего сорок восемь и выглядишь ты, как Джеймс Бонд, а Рыжему по человеческим меркам – почти девяносто. И выглядит он, как... Короче, имей уважение к старшим.

Она улыбнулась какому-то неожиданному воспоминанию и сказала:

– Кстати, в доме глинтвейн наливают. Выпей и за меня, будь другом, а я пойду букет невесты посмотрю, флорист уже два часа как маятник – туда-сюда, туда-сюда.

Настена вернула ему плед и скрылась в западном крыле.

Дача Прохоровых стояла на берегу Москвы-реки в Николиной Горе. Место уединенное, уютное, в самый раз чтобы избежать папарацци. Один уже ошивался на рассвете у ворот, но на территорию загородного дома известного дипломата попасть, естественно, не смог. Оказалось, фотограф жаждал не столько свадьбу заснять, сколько американскую актрису, Эмили Райт, которая вроде бы планировала приехать. Николай ее раньше не встречал и не разделял всеобщего ожидания. Он ни одного ее фильма не видел, чтобы гоняться за автографом. Ему икота хватало.

Церемонию устраивали исключительно для «своих», человек на тридцать-сорок, и многие гости уже прибыли. В гостиной просторного особняка то и дело раздавались взрывы хохота: Санька со своим избранником травил байки.

Из общей гаммы выделялся мелодичный женский смех, который заставил остановиться в дверях. Николай сложил руки на груди и оперся плечом о косяк, разглядывая собравшихся, но так и не определил, чей голос заинтересовал его.

Да и какая, в общем-то, разница. Он хоть и любил шумные компании, но присоединиться сейчас не мог: обещал про-

контролировать в саду подготовку к церемонии. Всего три часа осталось.

– Даня, – окликнул он зятя, который пролетал мимо. – Тебя Настасья искала.

– А в какой стороне света она находится? Я уже и на юг сбегал и на север.

– На запад иди, не ошибешься.

Даня с Настей были самой главной гордостью Терехова, его лучшей вселенской инвестицией, которая окупилась с лихвой. Чего еще хотеть от жизни, Большой Босс так и не придумал с тех пор, как «дети» поженились. Всего имелось в достатке, в том числе и приключений. Пока международную корпорацию построил, пока дочку вырастил, пока мужа для нее вырастил, чего только ни начудил.

Дома, в Барвихе, был тренажерный зал для поддержания тонуса, в голове – полет здоровой мысли для поддержания психического здоровья, преемники на работе справлялись хорошо. Не жизнь, а сказка с временными перебивками на мимолетные романы.

Авантюрный дух и оптимизм открывали Терехову много дверей, а если двери не имелось в наличии, то он не шел к цели напролом, как делали многие давно сгинувшие конкуренты. Нет, Николай строил лестницу и, забравшись на облака, перешагивал преграды. Он был энтузиастом, новатором, который занимался технологиями и никогда не оставался один. Его часто называли эксцентричным, но что поделать – это

у них семейное. Он «горел» работой, в нем кипела жизнь, несмотря на возраст и тот факт, что скоро станет дедом.

Николай ослабил узел галстука, подкатал рукава белой рубашки и вернулся во двор, захватив граненый стакан с глинтвейном. На поверхности плавала гвоздика, и он вспомнил, как давным-давно – а вроде и недавно – жена добавляла в сухое красное вино тонну специй, сахара, а потом кипятила и радовалась. А он каждый раз притворялся, что плачет от благодарности, а не от того, что переваренная бурда взрывала мозг.

Когда-то жена, узнав о своем смертельном диагнозе, заставила поклясться, что Терехов снова полюбит. Она, будучи прирожденным юристом, даже шуточный документ составила и принудила подписать: «Я, Николай Терехов, обязуюсь найти новую любовь, иначе дух моей жены вернется в виде какого-нибудь вредного существа и испоганит мне жизнь».

Взрывная была. Настя – вылитая мать по характеру, такая же строптивая, но в то же время преданная. А вот внешностью дочка пошла в отца: голубоглазая, блондинистая, тонкая кость и магическая способность есть и не толстеть. Честное слово, магическая! Терехов любил притормозить у «Макдональдса» после работы, но фигуру так и не испортил. Его даже стабильно вносили в топ самых привлекательных богатых холостяков России. Так что Николай не страдал от недостатка женского внимания. Он страдал от его избытка. Не понимали охотницы, что ловить им нечего. Да, он овдо-

вел больше десяти лет назад, но будучи однолюбом, не мог представить рядом другую женщину. Была чередка их – чужих лиц, чужого голоса и отсутствия обязательств, а вот жениться снова он отказывался. Нельзя подменить настоящее чувство тенью, иначе жизнь потеряет вкус и смысл.

– Коль, отнесешь потом корзину к арке, – попросила его мать невесты, хозяйка этого гостеприимного дома. Она была беременна и выглядела цветущей и спокойной. Сейчас она срезала поздние белые розы с кустов, и Николай остановился, чтобы посмотреть.

– Как-то и заняться больше нечем, – признался он, оглядываясь на официантов, которые готовили на закрытой террасе фуршет.

– А ты кота поймал?

– О-о-й, и ты туда же, – возмутился он и направился через лужайку в дом, чтобы взять пиджак, в котором лежали сигареты.

Из динамика с террасы доносились звуки Фрэнка Синатры, «Killing me softly», и Николай начал подпевать. Он любил эту песню с детства, хоть тогда и не понимал слов.

Гости из дома успели переместиться в сад. Босс, задумавшись, едва не прошагал мимо невесты, которая окликнула его.

– Дядя Коля! Можно на минутку? Я вас быстренько на землю свалю, и дальше пойдете по своим делам, хорошо?

Она была не только дзюдоисткой, но и бесконтактный

бой практиковала, поэтому Терехов не удивился подобной просьбе. Видимо, невеста слишком нервничает, хочет сбить напряжение. Он посмотрел в ее большие добрые глаза и искренне сказал:

– Санечка, для тебя сегодня все что уго...!

Его будто в солнечное сплетение ударили, и он, едва успев вдохнуть, упал на газон, прямо на пожухлые, припорошенные снегом листья. И это при том, что его никто не коснулся.

– Невероятно, так это правда! – И снова он услышал этот смех, как звон колокольчиков. Его обладательница восторгалась проделкой невесты, как ребенок, хлопая в ладоши и излучая жизнерадостность, которая теплом влилась Терехову в вены. Ясно, значит, Санька не нервничала, а демонстрировала кому-то свои навыки.

Когда перед глазами рассеялась тьма, он наконец увидел, кому именно.

Над ним склонилась худенькая незнакомка, протягивая руку помощи. Ее темные распущенные волосы упали на щеки, и она убрала передние пряди за уши, открывая высокие скулы с легким румянцем.

Впервые за долгие годы Николай растерялся при виде женщины, поэтому послушно сжал ее ладошку, тонкую и прохладную, и поднялся с земли. Он, онемев, пристально вглядывался в искрящиеся смехом карие глаза, пытаюсь вспомнить это лицо, а не вспомнив, нахмурился. Что-то в ней было знакомым до боли ... Да, точно – боль. Как отблеск

безнадежности в мягком взгляде, как печать тоски, той самой, к которой человек давно привык и перестал скрывать, и она звучала даже в искреннем смехе.

– Вы не ушиблись¹? – спросила она участливо, и Терехов с опозданием осознал, что незнакомка говорит по-английски.

– Простите, а вы...?

– Эмили Райт, я со стороны жениха.

– Вот оно что... Хм... А я Николай.

– О-у, как царь! – восхитилась она.

– В каком-то смысле, да...

– Пойдемте, смешаю вам коктейль, – предложила она в качестве компенсации, а Босс никак не мог прийти в себя.

– Удивительный момент, – пробормотал он.

– А я люблю удивлять, – с лукавым видом произнесла Эмили, и Терехов понял, что пропал.

Больше всего на свете он любил удивлять – и удивляться.

¹ В современном английском языке нет деления на «ты» и «Вы», помимо официальной переписки, так что общение между Николаем и Эмили на «вы» использовано исключительно как художественный прием.

Глава 2. Кот

«Не глазей», – приказала себе Эмили, но, как примагниченная, то и дело переводила взгляд на мужчину, который шел рядом. Она, наверное, смущала его навязчивым вниманием, но от неожиданности забыла правила приличия. Эмили заблудилась в глубине его глаз и не могла найти выхода.

Это все вино на голодный желудок виновато, да еще здешняя атмосфера. Слишком много радости и заразной энергии, которая захватила Эмили и превратила в хохочущую дурочку. С той минуты, как вышла из такси и ступила на порог дома, словно в иной мир попала. В мир, где люди не жалеют делиться теплом. И она так отогрелась, что теперь смеялась, смеялась... и глазела на царя Николая.

Она слышала о нем от Стаса – сегодняшнего жениха, который несколько лет жил в Штатах и работал в филиале корпорации Терехова. Но Большой Босс почему-то представлялся старым и серьезным. А рядом шел статный донжуан с обложки GQ.

Да и не в этом дело. То есть, неожиданно, конечно, но поразили Эмили именно глаза. Он посмотрел на нее – и словно в душу заглянул, распознав там надломленную женщину, которая притворялась сильной.

А может, показалось? Придумала себе все.

...Но глаза у него невероятные, голубые и добродушные, хоть и смотрел он сейчас настороженно. Нужно что-то сказать.

– Какой коктейль вы предпочитаете?

Его губы дрогнули.

– Я уже выпил глинтвейна, этого достаточно. Мне лишь хотелось составить вам компанию.

Эмили ощутила звенящее напряжение внутри и дико разволновалась от прилива воодушевления, которое затопило и прорвало плотину непричастности к жизни. Если бы она могла остановить время, затаив дыхание, она бы перестала дышать, только бы удержать этот волшебный момент, не отпустить в пустоту... Полтора беспросветных года без капли надежды, и вдруг ей словно прямой массаж сердца сделали, реанимировали – и она резко открыла глаза, чтобы увидеть свет.

– Вы надолго в гости, Эмили?

– Утром улетаю.

– Куда, если не секрет?

– В Лондон. Дела...

Он кивнул, подтверждая, что дела – это действительно основательная причина уехать.

Эмили улыбнулась виновато и сказала:

– Простите за ту шалость, я хотела увидеть Сашины приемы... У вас рубашка испачкалась, вот здесь. – Она положила ладонь на его крепкую руку, и пальцы дрогнули, ощутив

тепло. Мороз на улице, у нее самой губы слегка онемели, а новый знакомый, казалось, излучал электричество. Она отдернула руку, спрятав в кармане джинсовой куртки.

– Ничего страшного, – усмехнулся царь.

Смятение внутри с каждым шагом уступало место благодарности, и Эмили решила не навязываться слишком явно, чтобы не отпугнуть Николая. Хотелось просто провести спокойный день в компании интересного мужчины. Вряд ли подобный момент повторится в скором времени, поэтому стоило сказать судьбе спасибо и наслаждаться ощущением давно забытого вдохновения.

Ценить подобные моменты Эмили научилась только после того, как Дэвида не стало. И тем ценнее сейчас было каждое мгновение, каждый удар вдруг очнувшегося после душевной комы сердца.

Нет, она не боялась, что сердце сегодня снова разобьется. Наоборот, будто осколки склеились. Тому, кто изголодался по интересу к жизни и влечению к другому человеку, целый день подобного счастья – как подарок небес. Казалось, кто-то загадал для Эмили желание, и оно сбылось, дав ей надежду, напомнив, что она живая.

Мисс Райт. Тоненькая, наверняка легкая, и хочется подбирать сравнения, пока не найдешь идеальное. Она терзала карманы своей джинсовки, как девчонка на первом свидании, и Терехов ничего не мог с собой поделать: он просто

смотрел на нее и молчал, предоставив ей право голоса. Нравилось наблюдать, как она втягивает в рот нижнюю губу, обдумывая фразы и не произнося их.

– Рада была познакомиться, – наконец сдалась Эмили, решив сбежать. – Пора готовиться к церемонии. – Она посмотрела вниз, на узкие черные ботинки и серые свободные шаровары.

– До скорой встречи.

Он проводил взглядом мисс Райт и тоже вошел в дом. В углу гостиной подобрал свой забытый пиджак синего цвета, сшитый на заказ специально к свадьбе, и привычно похлопал по карману. Пачка сигарет была недорогая, но Николай и не курил. Давно бросил, чтобы дочка дурной пример не перенимала. Вместо этого он обманывал себя, просто вертя сигарету в пальцах и не поджигая. Зажигалки все равно не было.

Зажав сигарету зубами, он усмехнулся. Надо же, так неожиданно остро отреагировал на незнакомую женщину. Глянув в широкое окно, окаймленное морозным тающим узором, Терехов выцепил взглядом дочку, которая общалась с кем-то из персонала – видимо, флористом.

Встревоженный, сбитый с толку, он решил посоветоваться с Настенной.

– Эмили?! Ты запал на Эмили?!

Н-да... Зря все-таки с дочкой заговорил об этом.

– А что с ней не так? – уточнил он.

– С ней все так. У нее, правда, душа в хлам и сердце в

дребезги. А так у нее полный порядок. Пап, ты пожалей человека. Ты же осознаешь, что вы живете и работаете в разных странах? Эмили – серьезная женщина, интрижки ее не интересуют.

– К чему ты клонишь? – притворился идиотом Терехов. Он все прекрасно понимал и сам, но вдруг до страшного захотелось пожить в иллюзии хоть пару часов.

– Клоню к закату. Ваших не начавшихся отношений.

Он раздраженно затолкал сигарету обратно в пачку и потер глаза.

– Настасья, занимайся букетом, – он махнул на застывшего в шаге от них флориста. – Я-то думал, ты за меня порадуешься, совет дашь.

– А я и посоветовала: руки прочь от оскороносной особы! Это все равно что в святой Грааль наплевать.

– Да прямо-таки, мы с ней взрослые люди.

Но Настена надвигалась угрожающим тайфуном:

– Клянись на святом распятии, что не прикоснешься к ней.

– Клянусь. Но если она сама проявит инициативу, то клятва аннулируется.

– Пф-ф, мечтай, Иуда.

Так, с подачи Насти, Терехов начал злиться, и злился до начала церемонии. Официальные документы были заранее оформлены в Доме бракосочетаний, но торжественность момента от этого не размылась, а наоборот, ощущалась легче

и бодрее.

Жених, Стас Архипов, стоял у высокой арки, увитой белыми розами, и в ожидании невесты улыбался во все тридцать два.

И вот зазвучала скрипка: музыканты сидели неподалеку на специально подготовленной платформе. Невеста показала в проходе под руку с Валиком и ступила навстречу судьбе. Настя тихо заплакала, стоя рядом со свидетельницей, младшей сестрой жениха, Лизой. Хорошая девчонка, хоть и мрачноватая. Вот и сейчас: Настена слезами давится, а та смотрит на нее странно, будто не понимает, как можно плакать на людях. Кремень, а не девочка. И Стас такой же, поэтому Терехов и взял его под крыло когда-то.

...Взгляд как бы невзначай скользнул по рядам гостей, снова выискивая Эмили. Улыбчивый работник ЗАГСа буквально через минуту собирался поведать о рождении новой семьи Архиповых, а Николай не мог найти причину, чтобы не пялиться на мисс Райт. Трогать ее нельзя, но смотреть-то можно.

Морозный воздух искрился вокруг нее, а цветочный аромат в саду разносило слабыми порывами ветра, и хотелось закрыть хрупкую фигуру собой, чтобы ей не было холодно. Эмили скромно сидела в ряду напротив, через проход, в кресле, обтянутом белой тканью, и на ее глазах блестели слезы.

Подойти бы и стереть их, а потом...

Рыжий.

Кот крался к арке, как и предсказывала Настена. Вот же хитрый! Он шел не один, за ним на расстоянии хорошего броска показались ретривер и мейн-кун – зоопарк хозяев. Рыжий надвигался с бандитским выражением морды, но надвигался очень неуклюже, потому что на нем пузырился комбинезон. Поймала-таки его Настя! Ее в упрямыстве никто не переплюнет. А отпустила зачем? Удрал, наверное, мстить пришел.

Николай поднялся и, пригнувшись, обошел ряды. Кто-то из гостей шикнул ему, призывая к тишине, но Терехов отмахнулся и прокрался к Рыжему. И тут этот отпрыск кошачьего демона действительно напал – но не на невесту, а прямо на Эмили, которая сидела с самого края во втором ряду. Актриса, естественно, не подозревала о надвигающейся катастрофе и потому завизжала бы, но Николай вовремя сделал искусный выпад в ее сторону. Чистая конкуренция с котом за право прыгнуть на «оскорonosный Грааль».

Босс сдернул Эмили с кресла, и она хлопнулась к нему на колени в обнимку с котом. Рыжий был старый, мяукать не любил, а если и снисходил, то скорее сипел, но сейчас он тактично заворчал: Эмили, видно, прижала кошачью тушку слишком сильно.

– О Господи, Ник! – взволнованно прошептала мисс Райт, взглядываясь в его глаза и машинально поглаживая кота по холке. Тот пыхтел и пытался вырваться, усы дыбом, но ком-

бинезон сковывал, и зверюге пришлось покориться.

– Это Рыжий, кот моей дочки, – тихо ответил Николай, оценив теплую волну в сердце от того, что желанная женщина назвала его по имени. Ник. Так интимно...

Он помнил, что клялся ее не трогать. Но, чисто теоретически, царь придворную актрису не трогал. Он свадьбу спасал.

Лазейки, лазейки...

Глава 3. Букет невесты

Сообразив, что все еще сидит на коленях у Большого Босса, Эмили разрывалась между двумя вариантами будущего: расхохотаться или покраснеть. Но мужчина быстро опомнился и помог ей подняться.

– Не отпускай его, Эмили. Желательно до конца церемонии, – попросил он, поэтому пришлось сесть на место и ласковее обнять кота. Он был забавный, недовольный, но милосердный, поэтому величественно развалился у новой знакомой на коленях, пошуршав комбинезончиком. Милаха. Он бы явно и коготки выпустил от удовольствия, да пинетки на лапах мешали.

Эмили состроила серьезное выражение лица и прислушалась к словам церемонии, ничего не понимая, но радуясь от этого не меньше. Жених, Стас, был ее другом. Он спас ей жизнь полтора года назад, в самолете. Незнакомый человек вытащил ее из пропасти, куда она прыгнула по своей воле, и Эмили платила Стасу безграничной благодарностью. Им приписывали роман, но между ними было лишь уважение.

К горлу подкатил ком непрошенных слез, напоминая о событиях годичной давности, и Эмили прижалась лицом к мягкой холке кота, который тихонько замурчал. Почувствовал, что ей нужна поддержка, добряк. Он не пытался сбежать

до конца церемонии, и от этого тоже хотелось срочно почувствоваться.

Эмили прижала к себе кота и вдохнула аромат жасмина. Какой все-таки уютный кот! И так захотелось тепла, любви, что хоть рыдай. В конце церемонии Эмили поднялась вслед за остальными гостями и усадила нового друга на кресло, чтобы поплодировать. Снова заиграли скрипки.

Новобрачные, взявшись за руки, буквально пробежали по проходу, а потом Стас, счастливый и непривычно умиротворенный, подхватил невесту на руки и закружил ее. Раздалось дружное ободряющее «ах». Неожиданно невеста, Саша, закрыла глаза и бросила свой букет в гостей. И вот тут-то Эмили не сдержалась. Она взвизгнула, агрессивно отбивая от себя шедевр флористики, как бейсбольный мяч. И даже руки утерла о платье под жакетом, чтобы избавиться от «проклятия букета». Эмили искренне верила, что оно работает.

Раздались смешки, и кто-то по-английски крикнул: «Это не змея, не бойся!»

Вот сами и не бойтесь.

Эмили поймала насмешливый взгляд Стаса, который ей подмигнул и многозначительно кивнул в сторону. Проследив траекторию «толстого» намека, Эмили уперлась глазами в царя Николая.

Пф-ф! Стас обнаглел! Ему ли не знать, как безразличны ей мужчины после Дэвида... Стоп! Погодите! А что, ее заинтересованные взгляды в сторону Ника были настолько оче-

видны, что даже Стас все понял?! Она нервно поправила прическу, растерявшись, и натянуто улыбнулась.

Ник тоже смотрел на нее. Казалось, Эмили не могла ничего от него скрыть. Мужчина отсалютовал ей бокалом шампанского, который взял у официанта, и, сунув руку в карман брюк, уверенной походкой делового человека направился к ней. Сердце падало ниже и ниже с каждым его шагом, а тело каменело – Эмили превращалась в статую.

Ей запоздало стало стыдно, что устроила шоу из-за букета, но поднять его сейчас не смогла бы при всем желании, замороженная смешинками в глазах Ника.

– Не любишь цветы? – улыбнувшись краешком губ, спросил он.

– Не люблю проклятия.

– А если я подниму букет, то проклятие нас свяжет, как считаешь? – Не дожидаясь ответа, он наклонился, ловко подхватывая «артефакт». Красивый... И Ник, и букет. Среди белых роз, припорошенных серебристым снегом, выглядывали веточки вереска и ягоды насыщенного вишневого оттенка.

– Это шиповник? – полюбопытствовала она.

– Нет, кизил.

– Неловко вышло. Но замуж я не тороплюсь, – наконец призналась Эмили, принимая цветы. Ее пальцы легли поверх мужских, и прикосновение заставило выпрямить спину: словно жаром обожгло внутри. Перед тем как убрать руку, Ник едва уловимо мазнул подушечкой большого пальца по

ее коже, и у Эмили пересохло во рту.

Ник пристально смотрел ей в глаза, и она через силу улыбнулась, чтобы не выглядеть загипнотизированной дурочкой.

«Эмили, тебе тридцать два года, соберись!»

– Спасибо, что удержала кота, – уже без смеха в голосе, тихо поблагодарил Ник. В его взгляде полыхнуло пламя, и Эмили, вспомнив наконец о том, что актриса, невозмутимо и как-то даже легкомысленно пожала плечами.

– Он меня согрел, – лягнула она. – Все-таки холодно сегодня.

– Тебе и сейчас холодно?

Эмили медленно, очень глубоко вдохнула, выдерживая на себе внимательный, ищущий ответов взгляд цвета неба, и собралась сказать правду. Была ни была.

– Drogogoj! – Чужой женский голос ворвался в вакуум их уединения и разорвал связь, которая звенела между ними натянутой струной. Эмили опустила глаза к острым носам своих Маноло и прижала букет к груди, будто кто-нибудь мог его отобрать. Одно дело, когда это был «несущий проклятие веник», а другое – когда этот прекрасный дар ей вручил сам царь Николай. Придется сохранить и засушить. Не царя, а букет.

Ник холодно поздоровался с девушкой, которая подошла к ним, и представил ее как Соню Либерман, московскую художницу. Та куталась в шерстяной палантин, не особо старательно прикрывая довольно откровенное декольте короткого

платья, и пожирала глазами чужого царя. Эмили легко определяла качество внешней «отделки» у женщин, и могла с чистой совестью поставить печать «ненатуральный продукт» на Соне. Девушке было лет тридцать, а может и больше, но она выглядела, как модель «Victoria's Secret». Эмили никогда не страдала комплексом неполноценности, но в сравнении с ровесницей Соней почувствовала себя Бетт Мидлер рядом с Голди Хоун.

Внутри неприятно шевельнулась змея ревности, лизнув ядовитым языком.

Смешно же, какая ревность?!

– Соня, тебя на свадьбу не приглашали, – подчеркнуто сухо произнес Ник по-английски, давая понять, что незнакомка не его пара.

– Меня твоя сестра пригласила на прием. Ты скучал? Я по тебе очень, – также по-английски ответила Голди и вцепилась в рукав мужского пиджака, оценивающе глядя на Эмили. – Приятно наконец познакомиться с вами, мисс Райт! Мы в Москве любим о вас посудачить... Очень смело с вашей стороны с гордым видом выдержать свадьбу нашего дорогого Стасика, вы ведь с ним были помолвлены.

– Нет, это неправда, – раздраженно ответила Эмили и улыбнулась, глубоко вдохнув.

– ...признаюсь, в жизни вы не такая яркая, как на экране, – разочарованно сказала девушка, словно ей бездомного котенка вместо пантеры подарили.

– Мне льстит, что вы думали обо мне в свободные минуты, – задушевно произнесла Эмили. – Жаль, не могу ответить тем же, поскольку о вас я слышу впервые... Прошу прощения. – Понюхав букет, Эмили ушла на поиски жениха с невестой, чтобы еще раз поздравить.

Стоять в окружении незнакомых людей, улыбаться и отбиваться от сплетен она хоть и не любила, но умела: издержки профессии. «Звездной болезнью» Эмили, к счастью, так и не заразилась. Дэвид любил напоминать ей тоном Дамблдора: «Слава – ненадежный друг, Гарри». Это точно. Эмили трезво смотрела на актерскую карьеру и, по большому счету, сделала ее ради Дэвида. Хотела быть равной рядом с ним, чтобы не чувствовать себя замарашкой, а в итоге добилась мирового признания.

Слава отравила их отношения. Дэвид ревновал, срывал съемки, говорил, что Эмили зазналась и продалась. А она не обращала внимания на его суждения, понимая, что он просто боялся ее потерять.

«Глупый, – говорила она ему, – без тебя ничего бы не было».

Она странно зависела от него, и как только ее лишили дозы эмоционального «героина», от шока и боли пыталась распрощаться с жизнью. Стас, сегодняшний жених, спас ее чудом, случайно: хотел взять автограф в самолете. Увидел, что она наглоталась таблеток, позвал на помощь, вытащил с черного дна. И так стыдно было потом благодарить судьбу за то,

что дала второй шанс. Стыдно было дышать, когда Дэвид уже не мог... А ведь такой куш журналисты сорвали бы: «Эмили Райт покончила с собой на борту самолета сразу после гибели каскадера Дэвида Гаррета, с которым у нее был многолетний роман». Роман, который так и остался недописанным, прерванным еще до кульминации.

А сейчас она идет по подмерзшей земле чужой страны и испытывает нестерпимое желание развернуться, сгрести тонкий слой колючего снега и запустить снежком в грубиянку Соню. Ибо рыжеволосая художница с собственническими замашками напомнила именно о нем – о стыде. О том, что должно быть стыдно тянуться к другому мужчине... Должно быть – но не было.

Дэвид не хотел бы, чтобы Эмили снова полюбила. Он был собственником, как вот эта Соня. Он бы возненавидел ее сейчас, если бы увидел... Когда он погиб на съемках, она тоже почти умерла. «Почти». Это слово терзало ее долгие месяцы после спасения, олицетворяя предательство. Жизнь стала на вкус, как картон, потому что Эмили запретила себе радоваться. Весь прошлый год на работе царил застой, ни одного проекта.

И вот вдруг – полет падающей звезды в душу; кожу приятно щекотало от воодушевления, и стыда Эмили впервые не испытывала. Но и этой минутой ей не суждено насладиться из-за повышенной конкуренции за внимание Большого Босса. Ощущение было, словно гадкие дети у нее подарок Сан-

та-Клауса отобрали.

С этим нужно было срочно что-то делать.

Эмили расправила плечи, вдохнула морозный воздух и быстрым шагом вернулась в сад по бетонной дорожке, стуча каблуками. Ник спорил с Соней. В запале та даже палантин сбросила, чтобы основательнее предъявить дорогой бюст.

«Выше подбородок, мисс Райт!» – подбодрила себя Эмили и остановилась в шаге от парочки. Поймав тяжелый взгляд Ника, она улыбнулась немного смущенно – но не переборщив со скромностью – и положила ладонь на плечо удивленного мужчины. Раздражение в его глазах тут же сменилось любопытством.

«Смотри, как я избавляюсь от нечестной конкуренции», – молчаливо сказала она растерянной Соне быстрым цепким взглядом. Обняв Ника за шею, Эмили потянулась к его губам, ощутив едва уловимый терпкий аромат табака. Всего пару мгновений, один вдох... это даже поцелуем трудно назвать, но словно весна наступила вместо осени: запели птицы, зацвели подснежники. Букет, который Эмили все еще держала в руке, едва не выпал из ослабевших пальцев. Прохладные мужские губы дрогнули и приоткрылись, но Ник не стал продолжать поцелуй, и волной накрыло разочарование.

Зря. Не стоило вот так сразу... Он, наверное, в шоке.

Однако Ник, вместо того чтобы безглаголиво оттолкнуть, крепко обнял ее за талию и прошептал на ухо:

– Не здесь.

И от этих простых слов дыхание перехватило. Эмили отстранилась, дрожа от собственной смелости и дофамина, и продолжила обрабатывать сцену, умело скрывая волнение:

– Ты так и не ответил, какой коктейль смешать для тебя.

Разъяренная Голди Хоун метала молнии, не зная, как реагировать, а Ник, не отрывая потемневших глаз от Эмили, резким тоном сказал навязчивой знакомой:

– Мы с тобой договорили, Соня. Советую уехать сейчас.

Он взял Эмили за руку и повел по тропинке в дом; минуя крытую террасу, толкнул вторую дверь в широком коридоре, и они оказались наедине в прачечной комнате. Здесь было до безобразия светло. И запах сладкого кондиционера для белья, и полупрозрачная занавеска на приоткрытом окне – все кружило голову.

– Прости, я слишком многое себе позволила, – растерянно сказала Эмили, ощущая, как жар медленно поднимается от ступней вверх к животу, заставляя краснеть.

Ник подошел вплотную и забрал у нее букет из одереветневших от волнения пальцев, чтобы отложить в сторону, на стиральную машину.

– С меня взяли обещание не трогать тебя. Сказали, ты ранимая, а я могу сделать еще больше... Не подумай, что я так легко нарушаю обещания, но оно теряет силу, если ты сама проявишь инициативу. То, что ты сделала... это ведь была инициатива, так?

Эмили закрыла глаза и засмеялась. Глупости какие – ста-

вить условия взрослым людям. Ох уж эти заботливые друзья!.. Она провела ладонями по мягкой синей шерсти пиджака и призналась, совершенно не чувствуя робости от прилива эмоций:

– Для меня любые чувства – это праздник. Я так долго ничего не чувствовала, что сейчас готова разрыдаться от счастья.

Он бережно сжал ее плечи и поцеловал в макушку, словно разделял ее боль и понимал горький смысл каждого слова.

– Тогда позволь мне устроить тебе праздник. А утром я отвезу тебя в аэропорт и не стану преследовать, как помешанный фанат. Обещаю.

Она кивнула, вдыхая приятный аромат туалетной воды. Никакой резкости, специй, только расслабляющая свежесть с нотками хвои и цитруса. М-м...

– Поцелуй меня еще раз, нам нужно закрепить твою инициативу, – попросил он, приподнимая пальцами ее подбородок и заправляя ей прядь волос за ухо.

Он касался ее так нежно, словно и правда боялся поранить. Она привстала на цыпочки и запустила пальцы в мягкие светлые волосы на его затылке. Осторожно прихватив зубами его нижнюю губу, Эмили неторопливо, наслаждаясь каждым мгновением, провела по ней языком, ощущая вибрацию их общего тихого стога.

На этот раз Ник ответил сразу. Мужские руки стали настойчивее, а требовательный рот терзал жадно и умело, воз-

буждая и без того беспокойную женскую сущность. Эмили захлестнуло штормом, лишая кислорода, и она всхлипнула, прильнув к Нику, как к последнему на земле источнику тепла.

– Прости, – выдохнул он, отстраняясь. – Набросился на тебя, да еще в прачечной. Как на крестьянку, ей богу, – хрипло рассмеялся он и поцеловал ее в лоб.

– М-м, у нас намечаются ролевые игры. Царь и переодетая в крестьянку заморская шпионка, – поддразнила она его, коснувшись губами гладкого крепкого подбородка с тенью щетины. Эмили широко улыбнулась и начала медленно расстегивать крошечные пуговицы, которые шли длинным рядом от горловины до пояса на ее платье.

– Твоју mat', – пробормотал Ник и начал быстро застегивать лиф обратно дрожащими руками. – Подожди, Эмили, позволь мне сначала поухаживать за тобой.

Она не успела ответить. Дверь распахнулась, и в комнату ввалились целующиеся жених с невестой. А дальше случилась немая сцена. Первым опомнился царь, как ему и положено по статусу.

– Эмили вылила вино себе на платье, мы пришли его просушить.

– У нас та же проблема, – ухмыльнулся Стас. – А вы сушилкой умеете пользоваться, босс? Я как-то не очень.

Невеста, Саша, прыснула со смеха, уткнувшись носом в грудь мужу, и Стас закрыл избранницу лацканами своего

расстегнутого пиджака, пряча от окружающих.

– А-а... а мы уже закончили, – нашелся Ник и указал Эмили на выход, мол, побежали отсюда, пока новых вопросов не возникло.

– Босс, а сушка вроде выключенная! – донеслось им в спину, но Ник уже захлопнул дверь.

– Давай договоримся. После приема, когда домашние улягутся, мы сбежим в летний домик, в сад. Раз уж мы ведем себя, как подростки, то будем верными избранной стратегии до конца. Главное не привлекать внимания, а то еще слухи поползут.

У Ника светлые волосы торчали вихрами, галстук ослаблен, следы бледной помады на губах...

Эмили сделала серьезное лицо и сказала, нахмутив брови:

– Не волнуйся, никто не заметит. Тогда до вечера?

– Да, – он не выпускал ее руку, переплетя пальцы.

– Я подготовила сюрприз для молодых. Надеюсь, тебе тоже понравится.

– Мне в тебе все нравится, – неожиданно произнес он, изучая ее лицо взволнованным взглядом, и поцеловал ее руку: – До скорого, мисс Райт.

Глава 4. Танец огня

Эмили, одетая в платье с черным лифом и широкой красной юбкой до пола, собиралась станцевать фламенко. Рауль, ее давний друг, который жил и работал в Москве у знаменитой танцовщицы-испанки, приехал к вечеру, когда гости уже вальяжно сидели в доме, ибо устали.

Рауль обладал божественным голосом, и надрывная страсть старинной песни солеа под аккомпанемент гитары заставляла Эмили физически страдать от стремления выплеснуть в танце душевные силы.

В большой гостиной собралось человек двадцать – все те, кто еще не уехал. Горел камин, бросая теплые отблески на бокалы с вином на столе. Центр комнаты был свободен, и Эмили встала на деревянном полу, по которому так звучно застучали каблук ее черных туфель. Сердце, как всегда перед танцем, трепыхалось в предвкушении мучительно приятного полета в собственные эмоции.

Взгляд то и дело искал Ника, но его нигде не было. Они не виделись почти два часа, которые Терехов провел с гостями. Приехал какой-то европейский миллионер, поклонник свидетельницы Лизы, и основные события последних часов разворачивались вокруг них.

Но и Лиза, младшая сестра жениха, и ее таинственный

ухажер сидели сейчас здесь, в гостиной, а Ника не было!

Эмили шумно втянула теплый воздух и размяла щиколотку, повертев ступней.

Распущенные волосы падали черной волной на спину, красные мягкие рюши юбки легко ложились в ладони, чтобы летать под музыку.

Эмили не использовала кастаньеты, давая свободу рукам и работу – каблукам. Ей нравился старинный, высокий стиль «канте хондо», и она раз в два года не упускала возможность побывать в Севилье на фестивале фламенко. Собственно, до начала актерской карьеры Эмили мечтала когда-нибудь открыть танцевальную студию. Страстью фламенко она заболела еще в средней школе, когда посмотрела старый испанский фильм «Кровавая свадьба». В комнате даже плакат с изображением актера, Антонио Гадеса, висел несколько лет.

Когда тянуть стало уже неприлично, Эмили дала Раулю знак начинать – и в гостиную вошел Ник. Он был в тонком сером свитере без горловины, с подкатанными рукавами, и Эмили прикипела взглядом к сильным, красивым рукам; темные джинсы подчеркивали, до чего строен их обладатель, и она едва не пропустила первый такт.

Звуки старинной андалусской песни заполнили пространство, просочились в поры, заставляя двигаться в ритме надрывной страсти-боли, и Эмили застучала каблуками, подхватывая край юбки, покачивая бедрами и сплетая кистями узоры смысла в воздухе.

Рауль пел о непредсказуемой жизненной дороге и любви, срываясь на самые надрывные ноты своего очаровательно-сиплого голоса, а Эмили видела перед собой голубые глаза мужчины, которого знала меньше суток. Впервые в сознании не возникало образа Дэвида, и свобода этого непривычного состояния заставляла парить в эйфории.

Заиграла гитара, оборвав пение, танец стал более стремительным, и Эмили бросило в жар от азарта и душевного терзания, которое она вкладывала в каждое мгновение. Но не было больше слез, они словно испарились, а со дна сердца поднялась давно забытая надежда.

Он смотрел и не мог вспомнить, как дышать. Эмили не просто сразила наповал, она забрала его с собой в свой чувственный мир, и Терехов кожей ощущал ее движения.

Она танцевала для него, о нем, о них. Искренне, откровенно, до надрыва, который так редко встречаешь в жизни. Николай не мог шевельнуться до последней секунды танца и еще несколько минут – после. Он просто стоял у входа, и гости бубнили, чтобы он отошел и дал пройти нормальным людям. Прием официально завершился.

Эмили обнялась со Стасом и Сашей и подошла, смущаясь, явно в разбитых эмоциях после страстного танца.

– Я переоденусь и спущусь, – прошептала она, мило улыбаясь, а он не мог даже открыть рот и ответить, что будет ждать. Кивнул, как дурак, и проводил ее взглядом.

Он чуть не опоздал на ее выступление, потому что готовил место для встречи. Хозяин дома, Валик, поддержал желание Терехова устроить тайное свидание и лично выдал провизию со словами: «Ну наконец-то стоящую женщину пригласил». В летнем домике наспех был сооружен самый настоящий оплот романтики. Николай зажег камин, штук пятьдесят свечей, принес все цветы, до которых дотянулся, и корзину еды. Усыпал лепестками белых роз кровать и пол – не зря хозяйка кусты сегодня оголила.

Он стоял у подножия лестницы в доме и нервничал, будто шел на первое в жизни свидание. От адреналина сводило горло и скулы, и Босс, сминая в руке сигарету, совсем не спокойно ждал, когда Эмили наконец спустится.

Она появилась минут через миллион, с порозовевшими щеками, в теплых шерстяных чулках, в прямом бежевом платье выше колен и джинсовке. Никаких шарфов, шапок и шуб. На улице к вечеру совсем похолодало, но Эмили, видимо, тоже нервничала. А нервная дрожь, как известно, согревает, отвлекая от погоды.

Терехов быстро сунул сигарету обратно в пачку и зачесал пятерней волосы наверх. Он ничего не сказал, чтобы не разрушить момент очарования, только руку протянул – и Эмили вложила в нее свою белую ладонь. Николай совершил настоящий подвиг, цивилизованно и неторопливо дойдя со своей спутницей до места назначения, хотя на деле хотелось утащить желанную женщину в пещеру.

У входа он поддался порыву и поднял Эмили на руки, чтобы внести ее внутрь. Легкая и податливая, она ласково обняла его за шею.

– Вау, – выдохнула она, наградив восторженным взглядом. – А царь подготовился!

– Я даже торт принес, – улыбнулся он, усаживая Эмили в широкое кресло за деревянный стол.

– Обожаю сладкое, – протянула она.

– Я тоже, – ответил он, глядя на нее в упор.

Она очаровательно смутилась, и он взвыл про себя от незамутненного мужского желания.

В свете свечей и камина комната выглядела очень уютной, и Эмили довольно вздохнула. На столе мерцало шампанское в бокалах, а на тарелке возвышался кусок торта со сливками и ягодами. Николай ткнул в него тонкую свечу и поджог.

– А в честь чего? – удивилась Эмили.

– Один день знакомства. Круглая дата, – сказал он, усаживаясь напротив.

– Действительно, – рассмеялась она. – А почему только один кусок? Ты не хочешь?

– Я буду на тебя смотреть.

Смех прервался, и Эмили перевела дыхание. Она зачерпнула указательным пальцем немного крема и слизала.

– Если ты собираешься смотреть, то мой долг – сделать зрелище незабываемым, – лукавым тоном произнесла она.

...Это были самые долгие три минуты в жизни Терехова.

И самое эротичное поедание торта, который так и остался недоеденным. У Босса дрогнул внутренний мир, и выдержка раскололась надвое. Он сорвался с места и сгреб Эмили в охапку, усаживая на стол и целуя, слизывая сладость с ее губ и млея от отклика податливого тела.

Эта знакомая незнакомая женщина проникла ему в сердце, оплетая своим ароматом, как лозой. Хотелось приклеиться к ней навечно, и от одной этой мысли голова шла кругом.

Эмили обхватила его талию стройными ногами и запустила руки под тонкий свитер, едва ощутимо царапая спину. Не разрывая объятий, он подхватил ее под бедра и перенес на кровать, усыпанную розовыми лепестками. Эмили раздевала его и помогала раздеть себя. В ее прикосновениях было столько нетерпеливой страсти, что сердце болело, оживая, и каждое плавное движение навстречу друг другу отзывалось в забытых глубинах души.

Он целовал ее всю, доводя до экстаза и заставляя кричать; согревал белую кожу дыханием и не мог остановиться, оставить в покое. Если бы понадобилось описать свое чувство к мисс Райт, то Терехов сказал бы, что сошел с ума с первого взгляда.

Эмили лежала в изнеможении под боком у Ника, забросив на него ногу, и водила пальцами вдоль твердых мышц пресса, восхищаясь тем, насколько нежная кожа у такого серьезного мужчины. Он определенно следил за собой, и те-

ло было подтянутым и неутомимым. Сильные руки с выступающими на бицепсах венах смотрелись настолько притягательно, что Эмили не удержалась и провела губами от его запястья до самого плеча. Не зря за царем столько женщин бегают. Он воплощал собой... созидательную власть. К нему тянуло магнитом.

В камине горело пламя, и под треск поленьев Эмили уснула, совершенно не думая о завтрашнем дне. Настоящий момент был до того прекрасен, что она мечтала застыть в нем, как в капле янтаря, на тысячи лет.

– Спасибо, – сказала она тихо, и ответом стал мягкий поцелуй в висок.

Утром они старались говорить, о чем угодно, только не о расставании. Ник раздобыл свежесваренный кофе и полноценный завтрак с яичницей, беконом и сэндвичами. Они сидели за столом и беседовали обо всем и ни о чем. Ник набросил ей на плечи шерстяной плед, и она куталась в него, потому что к утру в домике стало зябко. Эмили подтянула ноги в шерстяных чулках на кресло и размахивала бутоном белой розы, которую подняла с пола. Ник, взъерошенный и небритый, то и дело закрывал лицо руками и смеялся, кода она рассуждала – между прочим! – на очень серьезные темы.

– Мне все равно больше нравится оригинал «Семи самураев», не обижайся, – сказал он примирительно.

– А я разве обижаюсь? Просто говорю, что в американской версии снимался Юл Бриннер и он великолепен. Он ведь был

родом из России. Он же и выкупил права у Куросавы на адаптацию.

– И?

– Неужели ты ни капельки не гордишься?

– Но японский оригинал ведь лучше.

– Вот. Ты такой же, как Бриннер!

– Не такой.

– Именно такой. Мятущаяся душа. Он не мог найти покоя, ему нравился надрыв, чтобы бесконечно умирать и возрождаться. Трудно с ним было американским женщинам, не понимали его. Разница менталитетов, ценностей.

– Ты же меня понимаешь. Может, и его понимали. А кроме того, я не хожу с медведями и цыганами по площади и не рыдаю, как делал он. Так что со мной гораздо проще. Я не эпатажный.

– С тобой невозможно спорить.

– Мы не спорим, а завтракаем.

Эмили закатила глаза к потолку и отхлебнула кофе без сахара, слизав пенку с губы. Она могла бы общаться с Ником сутками, настолько с ним было интересно размышлять, даже о тех вопросах, где они придерживались разных точек зрения. Эмили была в восторге от этого и продолжила болтать без умолку, пока все темы в итоге ни свелись к отношениям. Она рассказала о Дэвиде. О том, что мужчину и женщину может связать любой вид симбиоза: мутуализм, когда обоим выгодно быть вместе, комменсализм, когда выгод-

но лишь одному, а второму все равно. А еще паразитарство, естественно, когда одному из пары плохо, а другой прекрасно живет за счет его ресурсов. И что с Дэвидом у нее была какая-то гибридная смесь, которая истязала и приносила удовольствие одновременно.

А вот именно возвышенной связи, необъяснимой с точки зрения биологии, но понятной с точки зрения духовной эволюции, у них с Дэвидом не было, и этого ключевого ингредиента ей всегда не хватало. От этого их отношения больше напоминали зависимость.

– Мы часто ссорились в последние годы, не знали, как жить дальше. Он хотел одного, я – другого. Мне хотелось... знаешь, когда люди самодостаточны и обоим друг от друга ничего не нужно, а жить друг без друга все равно невыносимо, потому что души тянутся навстречу? Вот о таком я мечтала, но это был не наш случай. Мое счастье всецело зависело от хорошего настроения Дэвида, а он бесконечно требовал от меня эмоций. Стоило мне закрыться от него хоть на пару недель, чтобы сохранить немного сил, как он обвинял меня в измене. В итоге я сдалась ему полностью и растворилась в нем, так что едва не погибла без него. У меня ушло полтора года, чтобы отделить себя от Дэвида.

– И что же тебе помогло себя отделить?

«Ты», – вдруг поняла Эмили, но вслух не произнесла.

– Время помогло, – солгала она.

Говорить об утраченной любви оказалось не сложно, как

ни странно. Может, потому что Ник все понимал и действительно умел слушать. Постепенно он и сам начал делиться подробностями личной жизни. О жене он вспоминал с теплом, называя ее ангелом-хранителем.

– Иногда она со мной разговаривает, – признался он.

В отличие от Эмили, он овдовел давно, но никогда даже не задумывался о новых серьезных отношениях... После этих слов он очень пристально посмотрел на нее, и она быстро опустила глаза в чашку с остывшим кофе. Эмили уже сама не знала, чего ждала от этих отношений, которые задумывались как приключение на одну ночь.

Чтобы не углубляться в опасную тему, она вернулась к обсуждению собственной драмы.

– Стоит появиться сплетням в СМИ, что я с кем-то встречаюсь, как сразу звонит моя младшая сестра, плача от счастья: «Ну наконец-то ты вышла из комы!» А я потом рыдаю всю ночь. Со Стасом нам тоже приписывали роман, но ничего не было.

– Так уж и ничего?

– Только дружеское общение.

Ник удивленно хмыкнул:

– Надо же.

Видимо, верилось с трудом, но Стас, каким бы распрекрасным он ни был, не вызвал отклика в сердце Эмили. Он был ее ровесником, даже чуть младше, а ей нравились более зрелые мужчины. Дэвид, например, был старше на десять

лет. А голубоглазые блондины, вроде Ника – это вообще фетиш, мечта.

– Стас – хороший человек, он спас меня. Но ему, как и мне, просто нужен был друг, слушатель, который соперещивает. Он все время говорил о Саше, а я – о Дэвиде. Мы достали друг друга. – Эмили рассмеялась. Она задумчиво посмотрела в окно, на котором возвышались кактусы, и ахнула восторженно, как в детстве:

– Снег идет!

Эмили подхватилаcь и утащила Ника на улицу.

– Красиво, правда? – Она высунула язык, пытаясь поймать снежинку. Снег лениво падал крупными хлопьями, а земля таяла. Было совсем не морозно. Большая снежинка приземлилась на кончик языка и растаяла, кольнув прохладой.

Ник мягко улыбнулся и притянул к себе, поправляя плед на ее плечах и крепко обнимая, растирая спину ладонями, так что она вжалась в него, понятного и такого близкого, словно они знакомы целую вечность.

Растроганная, Эмили начала напевать мотив «La Vie En Rose» Эдит Пиаф, и Ник закружил ее в медленном танце, и было в его объятии что-то отчаянное и надрывное. Дай ему сейчас цыган и медведей, наверное, разрыдался бы, как Юл Бриннер. И только Эмили произнесла это слово в мыслях: «разрыдаться» – как в носу защипало. Она потерлась щекой о тонкий свитер, глубоко вдыхая успокаивающий аромат

мужчины, и подняла лицо.

Пускай он поцелует, развеет тоску, которая неумолимо пробиралась в сущность, отравляя их общий чудесный момент.

Ник, едва касаясь, поцеловал ее левый глаз, потом правый, спустился твердыми теплыми губами вниз по прохладной щеке и...

– Da chtob tebja!

Эмили взвизгнула, подскочив на месте, когда ей на спину прыгнул кот.

– Он на крыше сидел, – пояснил Ник, отдирая кошачьи лапы от пледа. Рыжий выпустил когти и не сдавался.

– А где его комбинезон? – удивилась Эмили.

– Снял, наверное, и продал. Он может.

Она прыснула со смеху и закрылась пледом по самую макушку. На Эмили накатила истерика, в которой смешалось все: веселье, счастье, отчаяние и боль расставания. Слезы потекли по щекам, но она их утерла пледом, чтобы Ник не видел. А он занес кота в летний домик и вернулся, чтобы забраться к Эмили под плед с головой.

– Испугалась?

– Еще как! – Она не могла успокоиться, но Ник, истинный царь ее сердца, понял о ней все, уловив неуравновешенное состояние. Обнял ладонями лицо и поцеловал так, что у нее пальчики на ногах поджались. Она задыхалась и тянулась к нему, сминая в кулаки его свитер, забираясь под него ладо-

нями.

Они целовались и не могли разорвать объятия, потому что понимали, что следующий шаг – это прощание.

Глава 5. Москва-Лондон

Эмили смотрела в иллюминатор частного самолета Николая Терехова и глотала слезы, наблюдая, как превращается в лоскутное одеяло чужая земля, где она была счастлива. Целый день счастья – это ведь так много. Ник настоял, чтобы она улетела в его личном «Гольфстриме», а в аэропорт ее сопровождал глава царской охраны – Тимошка. Забавное имя. Такой brutальный качок с глазами ангела.

Ник не поехал ее провожать. Она так попросила. Хотелось запомнить день светлым, без тяжелого прощания у трапа самолета.

Она наконец дала волю слезам и улыбнулась. Как хорошо плакать от радости, пусть и приправленной горечью. Слезы ложились бальзамом на душу, залечивая старые раны. Эмили смеялась и плакала, и ей было так плохо-хорошо, как никогда в жизни. Наверное, это называется катарсис.

В Лондоне Эмили поймала такси из аэропорта Лутон до Бейкер-стрит. Небольшая двухкомнатная квартира в старинном многоэтажном доме напротив музея Шерлока Холмса была куплена несколько лет назад, на гонорар от фильма, за который получила свой первый и, наверное, последний «Оскар».

Здесь был маленький уголок спокойствия несмотря на то,

что квартира находилась в эпицентре суетливой городской жизни. Эмили любила город, нравилось смотреть в окно на вечное движение. Была в этом какая-то медитативная песня.

Она не стала распаковывать чемодан, лишь переделась в халат и, заварив кофе, уселась на диване.

И тут ее накрыло откровение:

– Хочется заняться делом!

Она отставила чашку и набрала своему агенту, который больше года жалобно ныл в трубку, умоляя приступить к работе. Эмили отвергла три довольно интересных проекта, но теперь была готова вернуться к съемкам.

– Джим, привет. Это я. Есть для меня работа?

– Мими! Мими! – от неожиданности он повторял ее ласковое прозвище, как будто пластинку заело. – Есть проект, именно тебя просили, я сказал, что ты обдумываешь.

– Нехорошо врать, Джим.

– Еще как хорошо, я теперь позвоню и подтверждаю, что ты согласна. Сценарий тебе пришлю на почту сейчас... Я сказал продюсерам, что ты его уже читала и осталась довольна.

– Кто режиссер? Другие актеры?

– Александр Киплинг. Джон Дейнз, Эн Шульц.

– Ты шутишь?! Я согласна!

– А я о чем, детка. Надеюсь, еще не поздно.

Следующие несколько часов Эмили читала сценарий, испытывая невероятный душевный подъем и то самое щекочущее предвкушение съемочного процесса, которое сошло на

нет в прошлом году.

Она заказала себе китайской еды и уплетала рис с черными бобами, когда снова зазвонил телефон.

– М-м, – поздоровалась она.

– Серьезно?! Ты вышла замуж и никому не сказала?!

Эмили подавилась и отставила коробку с едой.

– За кого я вышла и когда?

– Вчера, за какого-то русского. Так и знала, что твоя пошанность на Юле Бриннере до добра не доведет!

Сестра говорила еще долго, осыпая восторженными поздравлениями вперемешку с порицанием, ведь самую близкую родственницу и подругу не позвали на тайное венчание.

– Мел, это очередная сплетня. Я не замужем, – скрепя сердце, разочаровала она сестру.

– Не-е-е-т! Не говори мне этого. Нет! Нет!

Эмили представила, как Мелани заткнула уши и мотает головой, встряхивая короткой, но буйной массой голубых волос.

– Но русский все-таки существует? – вдруг хитро спросила сестра.

– Ну-у...

– А-ха! Я так и знала. Что у вас?

– Ничего. Одна ночь любви.

– Хм-м-м... – самодовольно протянула Мел. – И давно вы знакомы?

– Один день.

– Ты дала первому встречному?! – Сестра пищала от восторга.

Эмили наморщила нос и снова потянулась к рису.

– Из твоих уст звучит, словно я потаскуха.

– Не потаскуха, а здоровая женщина. Боже, как мне хорошо... Эм, я люблю тебя! Наконец-то ты вышла из комы.

– Ладно, мне работать нужно, перезвоню завтра.

– Работать?! О БОЖЕ! Сегодня лучший день моей жизни! Этот русский вернул тебя к нормальному существованию. Расскажи, каков он в постели!

Такой, что даже спустя сутки голова идет кругом от одного лишь воспоминания. Но Эмили не хотела обсуждать это сейчас, поэтому отключила звонок и нахмурилась. Что это за новости о свадьбе?

На телефоне звякнуло сообщение со ссылкой от Мел.

«Американская актриса Эмили Райт тайно вышла замуж за русского олигарха?»

Вот это заголовок!

А главное, сердце так сладко дрогнуло.

«Мисс Райт навестила Россию. Напомним, что еще недавно актрисе приписывали роман с российским бизнесменом, Стасом Архиповым. Однако наши источники утверждают, что вчера актриса сочеталась браком с Николаем Тереховым, владельцем транснациональной корпорации NewTek. Церемония прошла в узком кругу в Николиной Горе под Москвой. Представители Эмили Райт пока не подтвердили ин-

формацию...»

И фотография: Эмили целует Ника в саду. Тот их первый неловкий поцелуй, когда она сама подошла, чтобы отогнать другую девушку.

Вот же проклятый папарацци!!! Пробрался-таки на закрытую территорию! И кто эти «источники»? Их явно нет в реальности. Просто решили нажиться на случайном стечении обстоятельств.

...А фотография красивая, хоть и зернистая.

Эх, жаль папарацци ближе не подошел. Такой ракурс, а качество не очень.

Поймав себя на странных мыслях, Эмили сохранила изображение на память, отложила телефон и вернулась к сценарию.

– Пап, ты новости читал?!

– Делать больше нечего.

– Тебя с Эмили уже поженили! Ну ты интриган, Большой Босс. Совести-то и нет у тебя, как оказывается. Я понимаю, что она тебе понравилась, но ты ведь не свинья, ты же не станешь ей обещать невозможное, да? Эмили хороший человек, с разбитым сердцем, не топчись по осколкам, ладно? Вы живете на разных континентах.

Этот был слишком мощный поток информации, но Терехов разложил его по полочкам в голове секунд за двадцать и

вместо того, чтобы возмутиться происками папарацци, свернул в совершенно ином направлении:

– Санька со Стасом тоже жили в разных странах.

– Да, но они и не обещали ничего друг другу, и опять же, Стас уезжал всего на пару лет из Москвы. А у вас у каждого отдельная устроенная жизнь. Или ты готов ради Эмили все бросить?

Настена, как всегда, глядела в корень. Терехов весь день ходил сам не свой, порываясь то поехать в аэропорт, то позвонить Эмили. Но они специально даже телефонами не обменялись, потому что тогда неминуемо возникнет вопрос: а дальше что?

Но черт, какая разница. Сейчас бы просто услышать ее голос.

– Дай мне ее номер, – не выдержал он.

– Не дам.

– Я у Стаса возьму.

– И он не даст.

– Тогда я его уволю.

Николай начинал злиться, а Настена специально доводила, упрямая.

– Стас в свадебное путешествие улетел, ты до него не дозвонишься.

Аж грудь тисками сжало.

– У меня проблемы с сердцем, вообще-то, Настасья. Пожалей отца и сбрось мне номер.

– Нет.

– Дай мужу трубку, он рядом?

Пару секунд заминки, и деловитый голос зятя:

– Цербер на проводе. Что такое, босс?

– Мне нужен номер Эмили Райт. У тебя есть?

– Нету.

– Так достань у Настасьи из телефона.

– Одну минуту, босс.

Послышалось визжание Насти, короткая борьба, и запыхавшийся Даня отчитался:

– Записывай, дорогой тесть.

А дочка продолжала кричать:

– Предатель! Беременную жену – и на лопатки!

Связь оборвалась на высокой ноте дочкиного голоса, и Николай долго смотрел на номер Эмили, размышляя, стоит ли звонить. Что сказать? Но он все-таки нажал зеленую кнопку вызова и начал с самого простого:

– Привет.

– Ник?! – Тон Эмили был до того удивленным, что он почувствовал себя идиотом. Но тот факт, что она узнала его голос, все-таки заставил широко улыбнуться.

– Решил удостовериться, хорошо ли ты долетела.

– А... да. Да, очень хорошо, спасибо.

– Новости о нас слышала?

Она рассмеялась, и он как наяву увидел ее. Сидит в кресле или на диване, вся такая уютная, волосы за уши заложены.

– Глупости какие, правда? – спросила она, и он поддержал:

– Придумают же. Я опровержение дам, не переживай.

Она снова неловко замолчала. Вроде бы и прощаться пора, а не хотелось.

– Как погода в Лондоне?

– Дождь идет.

– Хм... Чем собираешься заняться?

– Лечу в Лос-Анжелес вечером. Мне предложили грандиозный проект, просто мечта! Съёмки начнутся совсем скоро и продлятся семь недель. Рождество и Новый год встречу на площадке в Новой Зеландии. Представляешь?

– Ого. Поздравляю, очень рад за тебя.

Она помялась и явно из вежливости поинтересовалась:

– А ты что планируешь?

– У меня на носу ежегодное собрание исполнительных директоров, как раз перед Новым годом. Как всегда, буду по уши завален электронными документами. Романтика.

Разговор угасал, и Терехов не знал, каким огнем его поддержать.

– Ну... Созвонимся, – неуверенно ни то пообещала, ни то спросила Эмили, и ему пришлось согласиться:

– Береги себя.

Ух... больно получилось. Трубку в руке едва не расплавил. Все ждал чего-то. Наверное, намек, что она скучает. Может, стоило предложить встретиться за чашкой кофе в

Лондоне, когда она вернется туда после съемок? Но в качестве кого они встретятся? Друзей? Двух случайных знакомых, которые провели незабываемый день и еще более незабываемую ночь?

Эмили уже была инициатором в их отношениях и вряд ли снова придет к нему сама. А он обещал не преследовать. Закрытый круг. Как ни крутил, Терехов не мог найти лазейку в своем обещании. Не подкопаешься, не зря же сам его составил.

Впервые в жизни Большой Босс лишился полета фантазии и зашел в тупик.

Глава 6. Рождество

Прошел ноябрь, наступил декабрь и тоже почти прошел: завтра Рождество. А Ник больше ни разу не пытался связаться с Эмили. Она каждый день ждала: а вдруг он позвонит снова? Но он не звонил.

Нет, все-таки правильно они поступили, как адекватные взрослые люди. Встретились, пообщались и разошлись на приятной ноте. Все довольны. Занести их в книгу рекордов Гиннеса за самый короткий и бурный роман.

– Эм, тебя ждут. – В окошке ее трейлера показалась голова второго ассистента режиссера.

– Иду. – Она глотнула воды и вышла на улицу, под палящее солнце. В Новой Зеландии Эмили бывала раньше, но на этот раз съемки давались тяжело. Ее то знобило, то бросало в пот, и она решила поначалу, что отравилась, но скорее всего смена климата сказалась. Или вирус подхватила.

Последние два дня съемочная группа работала на полуострове Коромандел, в Кафедральной бухте. Популярное место, а после того, как здесь снимали сцены из «Хроник Нарнии», туристы ломились в эти места круглый год.

Работали по двенадцать часов в сутки, иногда удавалось поспать всего часа три-четыре. Но Эмили никогда не жаловалась на жесткий график. Ей нравилось пахать, как бешен-

ная, два-три месяца, а потом делать большой перерыв. Так ей удавалось выкладываться по максимуму. И хоть подготовительный период до съемок у нее был рекордно коротким, удалось влиться в проект и не испортить его. Помогло, конечно, что режиссер сразу видел ее в этой роли и не стал обвинять Эмили в горделивости, мол, она ждала до последнего момента, чтобы согласиться.

«Как же спать хочется», – вздохнула она в который раз и козырьком приложила ладонь ко лбу, озираясь. Синее небо, воды залива насыщенного бирюзового цвета, отвесные скалы, покрытые мхом и деревьями... А мысли то и дело возвращались в летний домик с горящим камином, и к коту Рыжему, и к мужчине, по которому нестерпимо скучала. Только выматывающий темп работы без выходных и не позволял улететь в Москву первым же рейсом.

– Эм! Ты какая-то зеленая сегодня. Может, ПМС?

И тут ее прошибло осознанием: а что, если менструальный цикл не из-за нового климата сбился?! Но разве такое может быть?! Чтобы вот так, с первого раза?! Таблетки она не принимала, но... Нет, это просто невозможно. С Дэвидом они не смогли завести ребенка, хотя не предохранялись несколько лет.

Но вся эта сонливость, усталость, сбитый цикл...

– Чарли! Ча-а-а-р-ли!!! – она понеслась к своему ассистенту. – Езжай в супермаркет и ни одного слова, ни одной живой душе!

– Не хочешь делиться крекерами? – предположил тот, поправив очки в красной оправе.

– Не хочу, но посылаю не за крекерами. Чарли, купи самый лучший тест на беременность.

Он машинально начал набирать «список продуктов» в блокнот на смартфоне, пока до него ни дошло и он ни поднял голову, выглядывая из-под огромных очков:

– О. Мой. Бог.

– С Рождеством, – поздоровался представитель британского филиала, и остальные на экранах онлайн-конференции ответили на ломаном английском. Двадцать пятое декабря, подарки Санты у англичан уже открыты, а Николай осатанел, не находя себе места. Почему она не звонит? Почему бы самому не позвонить? Но она на другом конце света. Там связь вообще есть?

Голова пухла, а отчеты ежегодного собрания только раздражали. В работе все шло как по маслу, Даня и Стас отлично управляли делами из головного офиса корпорации в Москве. Николаю оставалось только контролировать, вносить правки и направлять. Но для этого не обязательно было физически находиться в офисе.

Совещание международных филиалов закончилось, а мысли так и не выстроились в удобоваримую схему.

– Стас, тебе Эмили звонила? – перед уходом поинтересовался он, стоя в дверях.

– Нет. Она, наверное, на съемках. А что?

– Ничего... Она в Новой Зеландии вроде бы, да?

– Вполне может быть. Сидит в Хоббитоне и ждет Гендальфа.

– Ты это на что намекаешь?

– Я? Да просто сравнение в голову пришло. – Стас пожал плечами и принял входящий звонок.

«А, пошло все к черту. Полечу к ней, у нее ведь Рождество только закончилось. Подарок вручу, пообщаемся. Что я как маленький».

Приняв наконец хоть какое-то решение, Терехов спустился ко входу, где его встретил Тимошка в машине с водителем.

– Тим, давай в аэропорт. «Гольфстрим» прикажи подготовить.

А потом в глазах потемнело, и ударом под дых выбило воздух. Грудь обожгло изнутри, будто кислотой плеснули. Николай даже заговорить не смог, только рукой вцепился в дверную ручку – и потерял сознание.

– Ну слава богу, очнулся.

Всхлип Насти донесся, как из параллельного мира.

Он открыл глаза, и холод прошелся по позвоночнику.

– Я в реанимации?

От этой мысли даже кончики пальцев заледенели.

– Нет, слава богу. Но пап, у тебя же сердце! Сколько раз

просила: не нервничай. Ну зачем ты перенервничал? Из-за совещания дурацкого?! Да гори оно все синим пламенем.

– Врача позови.

Терехов огляделся. Обычная палата, и дышит сам. Вроде бы и не случилось ничего. Просто сознание потерял.

Он глубоко вдохнул, не сдержав блаженной радости.

Врач пришел сразу, доктор Верещагин.

– Николай Александрович, дорогой, – пробасил тот. – Что же вы себя не бережете?

– А что, собственно, случилось?

– Пока ничего. Лишь первый тревожный звоночек, что пора отдохнуть.

– Я не люблю отдыхать. Я от скуки умру.

– Ну, вариант умереть от стресса гораздо более реален, дорогой мой. Прописываю постельный режим на недельку.

И впервые за последние два месяца Николая обожгло этой самой реальностью: а что он может предложить Эмили? Сорок восемь лет, почти дед с подорванным здоровьем. А у мисс Райт вся жизнь впереди, причем в совершенно иной плоскости. Он лежит в унылой палате в морозной Москве под смогом, а она стоит перед камерами на солнечном острове. Два разных мира.

И так паршиво стало от этого осознания, что перспектива досрочно уйти на пенсию и то меньше расстроила.

– Я уже и не помню, что люди в отпуске делают, – пробормотал он обреченно, пытаясь смириться со своим новым

статусом: одинокий мужчина средних лет, которому предписан постельный режим... Ужас.

– Как я ему скажу, Мел?! Привет, Ник, помнишь меня? Мы переспали на чужой свадьбе, поддавшись эмоциям. Так вот: я беременна! Да-да, Ник, представь, я *настолько* идиотка, я не принимала таблетки и забыла об этом сообщить.

– Да он тебя благодарить должен! В ногах валяться! – полыхала восторгом Мелани.

– Боже, я все равно не верю, что могла залететь. Мне тридцать два года, я опытная женщина, – выдохнула Эмили в порыве самобичевания, но сердце при этом сладко сжалось: под ним зародилась новая жизнь.

– Позвони ему.

– По телефону такие новости не сообщают, а с работы не могу сорваться. Тридцать первого будет последний день съемок.

Мелани довольно поддакнула:

– Во-о-т, разумная мысль. Закончатся съемки – и вперед к нему на крыльях любви.

– Я даже не уверена, люблю ли я его. Я ведь его совсем не знаю.

Но Эмили врала сейчас. Любила и еще как. Увидев положительный результат теста, захотела обнять весь мир, раскалившись от счастья под островным солнцем. Сама идея то-

го, что у нее мог появиться сын или дочка царя Николая, казалась каким-то рождественским чудом. Она в мыслях уже рассказала Нику сто раз, и он каждый раз целовал ее и говорил, что не станет подавать на нее в суд за соращение миллионера ради алиментов.

– У меня будет племянник, – зарыдала в трубку Мел. – Мама с папой от счастья с ума сойдут.

– Не говори им пока... Я сама еще ничего не знаю. Не представляю, что делать.

– Погоди, ты же не думаешь про аборт?!

– Нет, конечно. – Испугавшись, Эмили приложила ладонь к животу, защищая. – Но сначала хочу рассказать отцу ребенка, а уж потом – своим родителям. Ты же знаешь, как они любят достать вопросами.

– Так ты ему в новогоднюю ночь расскажешь? Это так романтично! А что ты наденешь? В России снег? А кто...

Эмили отключила звонок и шумно выдохнула.

На календаре было двадцать восьмое декабря, оставалось всего три дня, чтобы решить, в каком виде подать новость Нику. Было страшно. Несмотря на то, что они не общались, Эмили разговаривала с ним в мыслях и чувствовала единение душ. Это казалось естественным и правильным, и перспектива испортить отношения с мужчиной, которого ей подарила судьба, реально пугала. Хотелось сохранить светлые воспоминания о том прекрасном дне. А если Ник холодно отнесется к новости о будущем ребенке, то все хорошее, что

было между ними, рухнет, как карточный домик.

Ник – взрослый мужчина, состоявшийся. У него есть семья и он не планировал серьезных отношений после смерти жены, а значит и детей больше не хотел. Для него это может стать бременем.

«Совсем не могу представить твою реакцию», – сказала ему в мыслях Эмили.

«А ты позвони, спроси, как у меня дела», – ответил ей виртуальный Ник.

Но Эмили не стала звонить. Вместо этого она набрала имя Терехова в поисковике, чтобы увидеть его фотографии. И первой новостью выскочила старая, вот эта:

«Николай Терехов опроверг слухи о связи с актрисой Эмили Райт».

Мог бы и не торопиться.

Она пролистала его фотки и наткнулась на изображение той самой дерзкой Сони, которая приставала к царю на свадьбе. И внутренний голос сразу противно забрюзжал: «Он не звонил почти два месяца. Неужели не понятно, что он уже о тебе забыл?»

Когда раздался звонок, Эмили долго смотрела на экран. Стас. Отвечать не хотелось, чтобы не разрыдаться: друг сразу поймет, что ей плохо. Собравшись с остатками ранимого духа, она мазнула пальцем по экрану.

– Привет, ты как? До сих пор в Хоббитоне? – бодро поздоровался Стас.

– Привет! Да. Но тридцать первого вечером уже домой, в Калифорнию. А может, в Лондон, не знаю пока. – Она решила не признаваться, что хочет сначала показаться в Москве. – Как семейная жизнь?

– Лучше с каждым днем. Слушай... ты в порядке? В смысле, мы после свадьбы не разговаривали толком.

– Да, у меня все замечательно! – тоном бешеного зайчика ответила Эмили. – И твоя свадьба была тоже замечательная!

– Именно об этом я и хотел спросить... Ты как вообще? – И голос такой жалостливый, аж противно. Он пожалуй звонит, что ли?!

– Ой, прости, меня зовет режиссер. Пока! Созвонимся!

Она бросила телефон в теплый желтый песок под ногами и потопталась по нему. Достали! Звонят, звонят – и все время не те! Не тот, вернее. Еще и сочувствуют теперь.

– Себя пожалей, дурак! – крикнула она Стасу и позвала Чарли, чтобы заказал билет на самолет на тридцать первое, вечером.

– В Лос-Анжелес. И никакой Москвы, – с обидой сказала она. Перепады настроения ее измотали. Пора бы и к врачу записаться. А Ник, если ему интересна судьба Эмили, пускай первым звонит. Она же не девочка-подросток, чтобы бегать за ним.

«Ну хорошо, я все равно ему скажу. После Нового года, чтобы не портить человеку праздник».

Эмили обняла руками плоский живот и нахмурилась:

– Если ты мальчик, назову тебя Юл Бриннер. На зло ему!

Но голос Ника ответил в мыслях: «Не веди себя, как ребенок».

– Хорошо, не буду, – пропищала она и заплакала.

Глава 7. Ужасы отпуска

– Ко-о-ля, ну что ты лежишь бревном вторые сутки?

Нинушка, домоправительница, принесла ему чай на подносе. Зеленый, без сахара. Терехов скривился и откинул голову на подушку.

Его спальня была просторная, в бежевых и золотистых тонах, и цвет напоминал о платье Эмили, которое он с нее снимал.

– Нинуль, тошно мне.

Весь вчерашний вечер он смотрел фильмы, в которых снималась Эмили, и стало только хуже. Она гениальная актриса. Без шансов, что она захочет усложнить себе жизнь присутствием стареющего русского. Сорок восемь лет в наши дни – это только начало жизни, судя по статьям в интернете, но было слишком много «но». А если Эмили разочаруется в нем? Николай меньше всего хотел топтаться по хрупким осколкам ее сердца, как выразилась Настена. Он жаждал заботиться об Эмили, а не вносить разлад в ее складную жизнь.

Домоправительница присела на край кровати и сказала загадочным шепотом:

– А я знаю, что тебе нужно, Коль. – Она потянулась руками под кровать и вытащила шахматную доску. – Мы в шах-

маты с осени не играли.

– Не хочу.

– О-о, так и в депрессию не долго уйти. – Нинушка осуждающе покачала головой. – Ты влюбился, что ли?

– Влюбился.

– А почему не поедешь к ней?

– У меня постельный режим.

– А по-честному?

Он вздохнул тяжело и признался:

– Да зачем я ей сдался, Нинуль?

– Коль, я тебя не узнаю. Чтобы ты – и не взял то, что хочешь?

– Не трави душу, – попросил он и отвернулся.

Нинушка работала в особняке еще в те времена, когда хозяйка была жива и Настена носилась по комнатам, как сквозняк. Сейчас же здесь, в Барвихе, и так скука смертная, а теперь еще и апатия навалилась.

Терехов не уходил в отпуск столько лет, что за двое суток отсырел. Он лежал в кровати в полосатой пижаме и покрывался мхом от безделья. Хотелось учудить что-нибудь эдакое, но тоска съедала, и в итоге не хотелось ничего.

Завтра Новый год. Надо бы подарки под елку сложить. Николай каждый год устраивал большой прием для родственников и друзей у себя, но в этот раз никого не желал видеть. Подарки так и лежали неупакованные.

Впрочем, до завтра еще времени вагон, можно сто раз пе-

редумать.

«А все равно полечу к ней в Калифорнию. Вот первого января и двинусь на запад. Скажу, что по делам примчался. Хоть посмотрю на нее».

От этой мысли стало легче. Даже в горле запершило от волнения.

В обед дочка поскреблась в дверь и вошла, сурово взирая на форменное безобразие в лице царя Николая. Она выпустила из рук Рыжего, который вальяжно потянулся и пошевелил длинными усами. У него на шее был бантик.

– Он с кошачьей вечеринки, – ответила на немой вопрос Настя, а оглядевшись, скептически приподняла бровь. – Нет, это пора прекращать, – возмутилась она и распахнула задернутые шторы, впуская свет.

– Уйди, Настасья, я в печали, – пожаловался Терехов, зажмурившись.

– Я тебя сейчас святой водой как окроплю! В печали он. Ты меня удивляешь, пап. Тебе ведь знак свыше упал: закругляйся с работой, начни жить для себя. Цербер со Стасом со всем справляются, тебе не о чем волноваться. А ты, вместо того чтобы зажить припеваючи, начал медленно разлагаться.

– Как будто ты причину не знаешь! – взбрыкнул он, но Настена была та еще коза, она тоже стукнула копытом и выдала:

– Ты бы хоть позвонил этой причине, ухажер! Совести у тебя нет.

– Не по-О-о-нял. Ты же была против.

– Была. Думала, у тебя обычный петушиный бзик, а она просто поддалась мимолетной слабости. А ситуация приняла серьезный оборот. Я все эти дни наивно ждала, когда ты лестницу в облака построишь, как обычно. А ты уныло завис на земле. Несolidно, Большой Босс. Первый раз вижу, чтобы ты расклеился.

Он и сам это знал.

– Честно тебе сказать? Первый раз боюсь сделать следующий шаг. Но я уже решил, что после Нового года смотаюсь в Штаты. Даже если она меня не ждет, так хоть старым другом прикинусь.

– Ой ё-о-о. Она ждет, пап, ждет. Стас ей звонил, говорит, она никакая.

– Никакая? – он расплылся в довольной улыбке, проглотив целую глыбу надежды. – Совсем?

– Пока не совсем. Но ты подожди еще месяцок, и будет полный капут и капитуляция. Ты же не садист, поступи гуманно.

– Хм... Ничего не понимаю. А со мной она по телефону бодро общалась, вся такая счастливая, занятая.

Настя присела рядом и постучала ему по лбу костяшками, уничтожая последние сомнения:

– Але, гараж! Она, вообще-то, актриса.

И будто шторы не только с окон, но и с глаз сорвали. Николай соскочил с кровати и принялся вышагивать по комна-

те, воодушевляясь с каждой секундой.

– Ну зачем я ей?!

– Ты предложи, а она пускай решает. Очень даже можешь пригодиться в плане быта. Джеймс Бонд в хозяйстве еще никому не помешал.

– Я же больной!

– Главное, что не на всю голову. А если в длительный отпуск уйдешь, отдохнешь хорошенько, то и по горам снова с дядей Валиком будешь скакать, как горный козел.

– Я люблю ее, понимаешь?

Дочка улеглась на кровати и отхлебнула холодного зеленого чая, скривившись.

– Н-да. Хороша свадьбка у Саши со Стасом получилась. Ты влюбился, Лизу нашу, свидетельницу, тоже внезапно окольцевали. Ушел ли оттуда хоть кто-нибудь в одиночестве?

– Соня Либерман.

– Ой, она не в счет. Ее не приглашали. Нечего портить нам статистику.

Терехов, у которого шестеренки в мозгу заработали в ускоренном темпе, вдруг замер посреди комнаты и щелкнул пальцами.

– Тимошку зови! У меня гениальная идея. Аж током прошибло! Всегда мечтал что-нибудь эдакое сделать.

Он, не дожидаясь, пока дочка сползет с кровати, сам побежал к двери и, распахнув, заорал:

– Тим!!!

Но первой в коридоре показалась Нина.

– А ты чего орешь, Коль? По связи вызвать не мог? – Она тащила перед собой очередную порцию бурды без сахара на подносе.

– Нинуль, умоляю, сжался ты надо мной. Сделай кофе, мне к человеческому облику вернуться срочно надо, – взмолился он и бросился переодеваться.

Одному Рыжему все происходящее было до Северной звезды. Он спокойно мыл лапой морду, сидя на подушке Большого Босса, и снисходительно смотрел на окружающих.

В доме начался бедлам. Кто-то куда-то бежал, Тимошка басом уточнял расписание, Нинушка, напевая фальцетом, варила кофе.

Царь, набросив пальто на криво надетый костюм, вывалился во двор особняка, где у подъезда как раз притормозил зять, Даня.

– А что за апокалипсис? Кого куда доставить? По чем бриллианты нынче в подворотнях? – деловито уточнил он. Вот! Не сотрудник, а золото.

– Ты-то мне и нужен, Дань, со мной полетишь.

– Не вопрос, только Настю заброшу к Архиповым. Пускай разбавит скуку молодой семье.

Дочка вышла на крыльцо, таща небольшой розовый чемодан в наклейках. И когда только собрать успела?

– Э-э нет, не отделаетесь от меня. Мне рожать не сегодня,

вот и полетим вместе, орлы мои. А куда мы, кстати, намылились?

– В Новую Зеландию. У Эмили последний день съемок завтра, как бы нам не опоздать... У них уже ночь, и лететь часов десять. Точно опоздаем, – заволновался Терехов. Не хотелось, чтобы сюрприз сорвался.

– Ого! Слышишь, Цербер, какая удача. Свожу тебя на экскурсию в Хоббитон, выгуляю, – нагло заявила мужу Настя.

Даня промолчал, криво улыбнувшись, и стрельнул в Настену колючим хитрым взглядом, обещая быструю расправу. А та звонко засмеялась и уселась мужу на колени, обнимая и рассказывая, что пошутила только из природной вредности. Но Цербер был не лыком шит.

– Поздно, я уже план мести придумал, золотая моя. Не отвертись, – с философской холодностью ответил он.

Душа за них радовалась каждый день, каждую минуту, и все равно нарадоваться не могла.

– Кстати, пап, – окликнула Настя, пока он укладывал ее чемодан в багажник и давал указания Тимошке. – У нас будет девочка. Сразу мы не хотели знать пол ребенка, но уже пять месяцев... Не вытерпели, спросили.

И такая волна счастья захлестнула, что не продохнуть.

«Представляешь, Эмили, я буду дедом маленькой занозы», – отправил он мысленное послание, надеясь, что скоро сможет сказать об этом лично.

Глава 8. Лестница в облака

– Снято! И еще раз! Последний дубль, дамы и господа, соберитесь! Думайте о корпоративе, который начнется сразу после того, как мы закончим. Там будет настоящая еда и бесплатная выпивка. Но не слишком-то усердствуйте, мне еще на новый фильм бюджет у продюсеров клянчить! – провозгласил один из самых известных режиссеров Голливуда, и Эмили повалилась на землю.

– Воды-ы! – прокряхтела она, и Чарли принес ей бутылку минералки. – Он сорок дублей последней сцены уже снял. Сорок!

– Не падай, звезда, рано, я еще желание не загадал, – подбодрил Чарли, и Эмили засмеялась.

– Главное, что меня не стошнило.

– Это да, – ужаснулся ассистент. Он подал ей белое махровое полотенце, чтобы утерлась, а потом набежали гримеры, и Эмили почувствовала себя боксером, который выходит после гонга на последний бой. Осталось, чтобы кто-нибудь толкнул ее в спину, и получится прямо Рокки Бальбоа.

Вечером ее ждал билет до Москвы. Чарли за последние пару дней три раза уже менял. То в Лос-Анжелес, то в Москву. В итоге сошлись на том, что Эмили перестанет истерить и скажет отцу ребенка, что он мужчина-огонь. А если царь не

пожелает усложнить себе жизнь, то она смирится и примет отказ с благодарностью. Как и положено взрослой, самостоятельной женщине.

– Почему не снимаем?! – раздался ор со стороны площадки.

– Эмили еще не готова! – сообщил Чарли и пробормотал: – Давай же, Эм, последний рывок!

Но у нее не получалось. У Эмили Райт, обласканной критиками актрисы, не выходил последний дубль, и она задержала съемки уже на два часа. Такими темпами сегодня не успеют до заката доснять проклятые кадры, и придется оплачивать новый съемочный день на завтра, первого января.

Кино снимали о меняющейся роли женщины в обществе. По сценарию, героиня Эмили – это женский вариант Робинзона Крузо. Ей, 18-летней, предстоит выжить на острове в одиночестве, а потом в обществе – среди людей. Философская сказка, переосмысление этапов эволюции и истории человечества.

И обалденные пейзажи полуострова Коромандел.

И почти двести человек съемочной команды, которые каждый день должны между собой приходить к консенсусу или хотя бы компромиссу.

Хорошо, в Австралии только пару дней снимали материал. Опасность найти в ботинке ядовитого паука не особенно прельщала. Помощник главного оператора нарвался на змею в унитазе, и с тех пор стал очень молчаливым. Здесь же, в

Новой Зеландии, было более безопасно, и климат мягче.

– Немного круги под глазами подрисую, – пробормотал гример, Зак, орудуя пушистой кистью.

Через двадцать лет жизни на острове, когда героине было тридцать восемь, ее обнаружили и вернули в социум, но она уже не смогла быть счастливой в рамках общественной системы.

Героиня Эмили так никогда и не вышла замуж. Симбиоз с мужчиной для выживания или выполнения социальных норм для нее был не приемлем, а кого-то, кто тронул бы душу, она так и не встретила. А может, и не искала, занятая бурной научной деятельностью. Ей нравилась свобода.

Сейчас, перед смертью, которую скоро принесет с собой рак легких, героиня решила навестить свой остров, который называла «Ману» – «птица» на языке маори...

Эмили слегка ссутулилась, но сделала это горделиво, как и положено семидесятилетней женщине. Но войти в образ не получалось.

– Не могу, – всхлипнула Эмили. – Я недостаточно эволюционировала, чтобы играть эту роль.

Гример наградил ее тяжелым взглядом и процедил:

– Эм, последний дубль. Ты уж постарайся, будь паинькой. Не подводи нас всех, милая. Последний, мать его, дубль.

– Ты не понимаешь, Зак! Моя героиня не искала любовь мужчины и была по-настоящему счастлива. Остров, символ ее силы, был ее единственной любовью, она посвятила этой

теме всю жизнь после возвращения к людям. Я тоже никого не искала, но нас с Ником судьба свела, и теперь мне нужен очень конкретный человек, а не остров! У нас с Ником не симбиоз! Это то, духовное, которое я искала всю жизнь, понимаешь?!?! Зак?!

– Эмили, твой выход! – раздался оклик помощника режиссера.

– Детка, я все понимаю, – протяжно сказал Зак. – Я тоже без мужчины не могу. Но последний дубль. Последний! – он мазнул по носу розовым каплеобразным спонжем, подправляя контур, и подбадривающе посмотрел, мол, вали уже на площадку.

Кадры снимали в естественном освещении, но пара осветителей все равно суетились рядом, поскольку близился закат; две камеры скользили по рельсам, ловя лучшие ракурсы; злые и уставшие люди ждали последнего дубля.

Все, что требовалось от Эмили – это посмотреть на свой остров по имени Ману, как на единственную любовь, а потом закрыть глаза и улыбнуться. Но не получалось. Уже сорок дублей, а все не то. И вот последняя попытка. Финальным моментом весь фильм можно испортить, потому что у зрителей не будет катарсиса и полного понимания скрытых смыслов.

– Камера, мотор!

Эмили смотрела на залив, стоя у пещеры, которая была ее домом когда-то, и ее седые волосы развевались на лас-

ково-трепетном ветру, который услужливо сотворил вентилятор. Но любви к острову Эмили никак не могла прочувствовать, и на глаза навернулись слезы. Беременность плохо сказывалась на ее настроении, и даже образ Ника в памяти не помогал изобразить любовь к другому «объекту». Было ужасно стыдно подводить режиссера и команду.

– Смотрите! Что это за идиоты в небе?

Все разом обернулись и посмотрели туда, куда указал оператор.

Съемочная группа загудела, некоторые стали свистеть и размахивать руками: в небе над заливом, заслоняя предзакатное солнце, летели два воздушных шара, приближаясь к бухте. Один был сине-вишневый, полосатый, а второй золотисто-голубой.

И чем ближе они приближались, тем сильнее волновалась Эмили непонятно почему. У нее вытянулось лицо, и она не могла шевельнуться.

Оператор продолжал снимать.

А потом, когда воздушные гости приблизились достаточно, чтобы можно было рассмотреть детали, между шарами, как знамя, свесился огромный транспарант: «Выходи за меня замуж, Эмили».

Она рухнула на колени, разом ослабев, и зарыдала от счастья, сгребая сырой песок пальцами. Поднялась и, падая, побежала в воду, но режиссер заорал, чтобы она вернулась на отметку. Она вернулась и впилась в небо взглядом, полным

обожания и того самого катарсиса, которого ей так не хватало. Слезы высохли, оставив явно жуткие разводы, покрытые солью и песком, но ей было все равно. Она посмотрела на залив и сказала:

– Боже, как мне хорошо.

– Снято! – гаркнул режиссер, и все зааплодировали. – Это было... нечто. Поистине, помощь небес.

Эмили волновалась так, что ее трясло. Ей казалось, что она попала в свой собственный сон и застряла там в виде семидесятилетней женщины.

– О нет! Я же в гриме!

Но времени вернуть себе обычный облик не осталось. Два воздушных шара приземлились на берег, и Эмили увидела Ника. Взгляд прикипел к нему, и она, дрожа от эмоций, ждала, пока он подойдет.

Чудак. Юл Бриннер в новой ипостаси. Сумасшедший...

Ник был в белой расстегнутой рубашке и черных бриджах, как истинный пират. Его светлые волосы трепал легкий ветер, настоящий, а не искусственный, и это был прекрасный дубль, самый удачный, самый счастливый. Ник улыбался так широко и заразительно, что Эмили засмеялась, прикрыв ладонью рот.

– Ты ненормальный. Удивил так удивил!

– А я люблю удивлять, – довольно сказал Ник. Он немного похудел за эти два месяца, но остался таким же неотразимым и даже лучше, чем она запомнила его.

– Я в гриме, не смотри на меня, пожалуйста, – смутилась Эмили.

– По крайней мере, сейчас я не чувствую себя стариком рядом с тобой.

Она не выдержала и преодолела последний шаг, который их разделял, чтобы обнять, вдохнуть, почувствовать.

– Ты не старый, ты самый лучший. Я так ждала тебя! Вечером собиралась в Москву, но все никак не могла сделать последний дубль. А стоило увидеть тебя в небе, и все получилось. Я так люблю тебя, что душа болит. И да, я выйду за тебя замуж, Ник.

Те из съемочной группы, кто еще был рядом, засвистели и снова зааплодировали. А Ник опустил на одно колено и надел ей на безымянный палец кольцо с сапфиром.

– Я люблю тебя, Эмили. Чтобы это понять, мне хватило одного дня с тобой, а может, и одного взгляда.

В носу предательски защипало от подступающих слез. Стоит ли прямо сейчас огорошить жениха новостью о ребенке? Чтобы плакала не она одна. Но додумать стратегию Эмили так и не успела, потому что наконец увидела всех, кто помогал Нику развесить в небе предложение руки и сердца.

Помимо инструкторов, там были Стас и Саша, а еще Настя Терехова и ее муж. И Тимошка: такого качка трудно забыть.

– Ничего себе! Да вы целой армией пожаловали, – обрадовалась Эмили и тронула кулачками глаза, чтобы стереть

слезы. Наверное, опухла вся. Страшная.

– Не могли пропустить этот исторический момент. Большой Босс сделал предложение немощной старухе на затерянном в океане острове, – пошутил Стас.

– Не только сделал предложение, но и страстно поцеловал, – поправил его Ник и обхватил Эмили руками, притягивая к себе. – Поцелуй меня. Я тебя два месяца не видел.

Она покраснела, что под слоем грима вряд ли было заметно, и коснулась пальцами, а потом и ртом знакомых губ, по которым истосковалась.

– Не верю, что это все происходит на самом деле, – прошептала она.

– Считай это новогодним подарком. С Новым годом, мисс Райт.

– С Новым годом, мистер царь. – Она закусила губу и посмотрела исподлобья на сияющего жениха. – Кхм, кхм... кстати. Слишком много подарков для меня одной. Я еще от твоего октябрьского никак не отойду.

– В каком смысле? – насторожился тот.

– В таком, что я беременна, – с опаской произнесла она, и ее личный царь застыл величественной статуей на пляже волшебного острова.

– Я... то есть... – прошептал Ник, прерывисто дыша. – То есть сначала я стану дедом, а потом отцом?

Чарли, проходивший мимо, остановился, сложив руки на худой груди, и осуждающе сказал:

– В ее возрасте, между прочим, рожать уже опасно. Старушке семьдесят.

Эмили догнала его и врезала ладонью по плечу. Ассистент заулюлюкал, отбиваясь от нее, а потом спросил:

– А на корпоратив ты все-таки пойдешь?

– Мы толпой придем. Покажем, как нужно отдыхать.

Новость о беременности передалась цепочкой от Ника к его «свите», и раздались дружные поздравления и восторженный визг. Они встали в круг и, обнявшись, начали прыгать и орать какую-то русскую песню. Добавить медведей и цыган – выйдет шедевральный кадр.

...А оператор все еще снимал. Эмили только сейчас обратила внимание, что он не выключил одну камеру.

Она подбежала к нему и с ликованием в голосе спросила:

– Ты все записал?!

Тот самодовольно кивнул:

– Первый раз такой сюрреализм вижу.

– Пленку покупаю за любые деньги, – тут же приступила к торгу Эмили.

– Эм, это мой подарок на свадьбу. Режиссер против не будет. Поздравляю, кстати.

Воспользовавшись тем, что все русские гости, и даже Тимошка, сбились в стаю и до сих пор прыгали, выкрикивая песню, Эмили побежала следом за Чарли, чтобы наконец снять грим и не чувствовать себя старухой рядом с почти юным женихом.

Пример помог привести лицо и прическу в порядок, восхищаясь и завидуя тому, какого шикарного мужчину отхватила Эмили.

– Я сама в шоке до сих пор, Зак, – улыбнулась она.

Наспех приняв душ в крошечной кабине, она на ходу обмоталась полотенцем и встряхнула освобожденными от седины волосами, а потом едва не споткнулась: в кресле напротив узкого окна сидел Ник. Он поманил ее, изучая внимательным взглядом, и Эмили села к нему на колени. Это было так... привычно, словно они много лет жили вместе и знали все друг о друге. Ник обнял ее и зарылся пальцами в ее мокрые волосы на затылке, притягивая к себе и целуя.

– Ради тебя я нарушил уже два обещания. Даже страшно представить, что будет дальше, – усмехнулся он.

– Давай удивим друг друга.

Он улыбнулся и бережно прижался щекой к ее плечу, медленно раскачиваясь, как на волнах. Эмили обвила его руками за шею и стала напевать мотив «La Vie En Rose».

– Я бы очень хотел мальчика, – тихо сказал Ник.

– Прости, но я чувствую, что будет девочка.

...Семь месяцев спустя у них родился сын. Его назвали Юл. Ник пафосно убеждал окружающих, что это в честь Юлия Цезаря, и только Эмили знала, что ее пока еще гражданский муж сам предложил назвать сына в память о мятущейся душе Юла Бриннера.

Глава 9. Свадебный переполох

Барвиха, три месяца спустя после рождения сына

– Котик, ко-о-тик, – заискивающе звала Эмили, пытаясь выпихнуть Рыжего, который шмыгнул под подол ее белого платья. – Настя, он мне чулки порвет!

Падчерица, которая была младше всего на девять лет, поправила бретельку своего совершенно сногшибательного серебристого наряда и ловко опустилась на колени, чтобы вытащить кота. Ее светлые волосы, как и у всех приглашенных женщин, были уложены красивыми волнами вдоль висков, в стиле 1920-х.

По стройной Насте и не скажешь, что у нее дочке полгода. Зато легко понять, за что Цербер, ее муж, получил свое прозвище: он грубо отгонял любого, кто заинтересованно смотрел в сторону Насти. Семейные походы с ними в ресторан как правило превращались в испытание для нервов.

Сама Эмили только-только восстановилась после родов, приложив максимум усилий, чтобы вернуть фигуру к свадьбе. Грудь, правда, стала на размер больше, но на этот нюанс никто не жаловался.

На столе лежал букет невесты, в который красиво вставили засушенные веточки тех самых цветов и ягод кизила, за-

полученных на свадьбе Стаса и Саши. Казалось, это случилось сто лет назад, в другой жизни, а на самом деле всего год прошел. Сейчас тоже был конец октября, но погода стояла солнечная и на удивление теплая.

Свадьбой занималась Настя, лучший в мире организатор и манипулятор, и все было подготовлено вовремя и без стресса. Стиль зажигательных 1920-х, узкий круг приглашенных, среди которых родственники и друзья Эмили из Калифорнии и Европы.

После того незабываемого последнего дня съемок, когда Ник сделал предложение, Эмили жила здесь, в Барвихе. За это время они с женихом побывали в Ницце, на свадьбе Лизы Архиповой, сестренки Стаса. А кроме того, буквально месяц назад Эмили в сопровождении будущего мужа посетила громкую премьеру фильма о женщине-Робинзоне в Лондоне, впервые не скрывая от общества своих отношений.

О них много писали за последний год и, в общем-то, скрывать уже было нечего. Но все равно забавно, что именно в Лондоне они впервые появились перед журналистами в качестве официальной пары. Ведь именно в своей квартирке на Бейкер-стрит год назад Эмили услышала сплетню о том, что вышла замуж за Николая Терехова. Оказывается, чужие домыслы иногда перерождаются в реальность.

С Ником они решили жить там, где захочется, будь то Москва, Лос-Анжелес или Лондон. Благо, на то имелись возможности. Большой Босс полностью передал московские де-

ла зятю и Стасу, а сам, как истинный царь, только указания и советы раздаривал. Этой работой, как и инвестициями, он мог заниматься из любой точки мира, так что Эмили не переживала ни за его карьеру, ни за свою. С Ником и Юлом она быстро поняла, что ради любимых людей идти на компромиссы легко и даже приятно. Лишь бы оставаться рядом.

– Вау, выглядишь потрясающе! – В комнату ворвалась Мел, которой не терпелось пустить слезу из-за того, что ее старшая сестра взяла себя в руки и стала счастливой наконец. – Твой жених там с ума сходит. Пора бы и начинать.

– Да, конечно. – Эмили сделала несколько шагов по направлению к выходу из «гримерки», как они называли большую гостевую спальню, где шли приготовления невесты.

Рыжий тоже сделал много мелких шажков, так и оставшись под юбкой.

– Idi sjuda, skotinushka! – возмутилась Настя и, недолго думая, приподняла изящный длинный подол, взмахивая им, как парусом. Кот прижался к полу, а потом резко прыгнул на туфлю Эмили, от чего она взвизгнула и, взмахнув букетом, начала падать, потеряв равновесие от неожиданности. Пришлось швырнуть букет прочь от себя, чтобы упереться ладонями в стену и не распластаться, как осьминог, на скользком паркете.

– Твою мать! – гаркнула Мелани, с ужасом отбивая от себя букет, но было поздно: «проклятие» коснулось ее.

– Прости, Мел, но этот букет заколдованный. Боюсь, что

ты скоро встретишь свою судьбу, – давясь от смеха, сказала Эмили и оперлась на подросевшую Настю, которая помогла ей выпрямиться. Они совсем неприлично загоготали, призывая друг друга успокоиться, чтобы не портить макияж.

Мелани, которая ошарашенно тарасилась то на букет, то на двух сумасшедших женщин, так и не придумала, что сказать. Зато шум приманил Сашу, которая на ходу поправляла красивую старинную заколку в причёске. Жена Стаса выглядела слегка примятой, и учитывая, что она отлучалась, потому что «муж что-то там просил помочь», то стало ясно, с чем именно она ему помогала.

Саша замерла, глядя на безобразие в комнате, и спросила удивленно:

– Девочки, вы накурились?

– Рыжий сбил невесту с ног, представляешь? – ответила Настя, костяшкой аккуратно стирая слезу из уголка глаза. – А тебя кто сбил, Санька?

На этот раз рассмеялась и Мелани, а Саша покраснела и фыркнула, но не стала отнекиваться.

– Я Стасу новость сообщила... о скором прибавлении в нашем семействе, – тихо сказала она, и Настя, громко прищипнув, подошла к подруге.

– Сань, ты... А почему молчала?!

– Не хотела перетягивать на себя внимание сегодня. – Саша скромно пожала плечами.

Воцарилась минута счастливого молчания, а потом эмо-

ции выплеснулись в тихие всхлипывания. Плакала Мелани.

– У вас здесь какое-то место зачарованное, энергия так и прет, плакать все время хочу, – призналась она. – Давайте обнимемся, что ли?

И они начали обниматься и бесконечно поправлять то прически, то макияж, то платья.

– Девчонки, вы обалдели?! – раздался с порога грозный голос Лизы. – Вас толпа народу ждет, а вы здесь оперетту устроили.

Она держала перед собой в зеленом матерчатом слинге маленького Юла. Он спал.

– Ребенок проснется скоро, голодный, чем я его кормить буду? Святым духом? Молоко кто-то так и не сцедил, – укорила Лиза, и внутри Эмили шевельнулась совесть. Учтывая, что сестре Стаса было всего двадцать три года и она являлась младшей в этом свадебном хороводе, то стало действительно стыдно.

– Ладно, давайте соберемся и выйдем наконец на улицу, – шумно выдохнув, предложила Эмили. – Там меня царь ждет.

Она в последний раз поправила волнистую прическу и одернула V-образный вырез элегантного платья. Прикусила губу изнутри, чтобы сделать серьезное лицо, и величественно кивнула:

– Я готова.

– Погоди, еще вот это, – Настя прикрепила ей на пояс платья красивую бриллиантовую брошку. – Это мамина. Она бы

очень хотела.

Эмили почувствовала, что сейчас заплачет, и поморгала, посмотрев в потолок.

– Спасибо, дорогая, – сказала она падчерице и хитро оглянулась. – Кстати, кто еще не в курсе, что Саша беременна?

Лиза ахнула, как-то почти машинально погладив спящего Юла.

– Обалдеть, я стану тетей, – ошарашенно протянула она. – Сашка, а что ты такая мятая вся? Ты хоть Стасу сказала, что уже можно так сильно не стараться?

...И они снова дружно прыснули со смеха.

Уже в третий раз играл Фрэнк Синатра, «Killing me softly», по запросу нервного жениха, а невесты все не было и не было.

– Даня, почему ее так долго нет?

Зять поправил на голове дочурки вязаную шапочку с огромным цветком и пожал плечами.

– Передумала, наверное.

– Да ну тебя!.. Стас, куда невеста пропала? – нашел он новую жертву допроса. – И ты сам, кстати, где ходил? Мятый, как с сеновала. Парни, вы же лицо корпорации... Стас, хоть галстук поправь, ей богу.

– Босс, да расслабьтесь вы. В конце концов, ваш ребенок у Лизы, а значит, вы стратегически защищены от возможного побега невесты. Лиза – это скала.

– Вы меня довести решили, что ли?! Шутники!.. Валик! – гаркнул он.

Друг, услышав резкий оклик, отлепился от жены с карапузами-близнецами и подошел, спокойный как удав.

– Я внимательно слушаю.

– Невесты слишком долго нет. Может, она засомневалась?

Прирожденный дипломат, Валик равнодушно посмотрел по сторонам и разрешил конфликт на корню:

– Я ее вижу, вон она идет с отцом под руку.

– Вот так вот, учитесь, как нужно вопросы решать, – процедил Терехов, обращаясь к Дане со Стасом, но смотрел он уже не на них.

Музыка резко оборвалась, а потом заиграла избранная для церемонии «La Vie En Rose». По проходу прошли сначала свидетель со свидетельницей, затем Лиза с Юлом, являя цесаревича народу, потом протопали дети, бросая перед собой лепестки белых роз... и наконец взгляд остановился на той единственной, о ком были все мысли.

«Боже, благодарю тебя, не знаю, чем я заслужил», – подумал Николай, замороженный мягкой, но уверенной поступью своей любви. Она выглядела, как греческая Муза, тонкая и неземная, в облегающем белом платье, длинный подол которого тянулся по земле. Он вспомнил, как первый раз утонул в ее взгляде, и не мог поверить, что она тоже утонула в нем. Что у него с Эмили общий сын. Что они – вместе.

Следом за невестой плелся Рыжий, но не нападал, а мудро

держался в нескольких шагах, и Николай будто наяву услышал смех своего ангела-хранителя: «Я же говорила, что все будет хорошо».

Эмили вложила ему в руку теплую ладонь, другой сжимая букет, и он не удержался, поцеловал ее тонкие нежные пальцы.

– Я так долго тебя ждал, – сказал он ей тихо, и она улыбнулась:

– Меня кот задержал.

Но он покачал головой и повторил:

– Я так долго тебя ждал...

И она все поняла, посмотрела в глаза пристально, прямо в душу, и прошептала:

– Я ждала тебя дольше.

КОНЕЦ

Спасибо, что прочли!

Все персонажи и события являются вымышленными, а также корпорация NewTek, главой которой является Николай Терехов, и фильм о женщине-Робинзоне, в котором снималась Эмили Райт. Любые совпадения случайны. А вот Юл Бриннер – личность реальная, весьма вдохновляющая.

Цикл «Любовь вопреки себе» включает романы:

«Приручить Цербера», история Насти Тереховой
«Полюбить Ареса», история Саши Прохоровой
«Покорить Одиссея», история Лизы Архиповой
«Москва-Лондон, кот и букет невесты», бонусная история

**За творчеством автора можно следить в группе
ВКонтакте: <https://vk.com/alenajenkins>**